Master Negative Storage Number

OCI00049.13

Sam-v, Evg.

Ataman-Kol'tso, ili, Posol'stvo k tsariu

Moskva

1911

Reel: 49 Title: 13

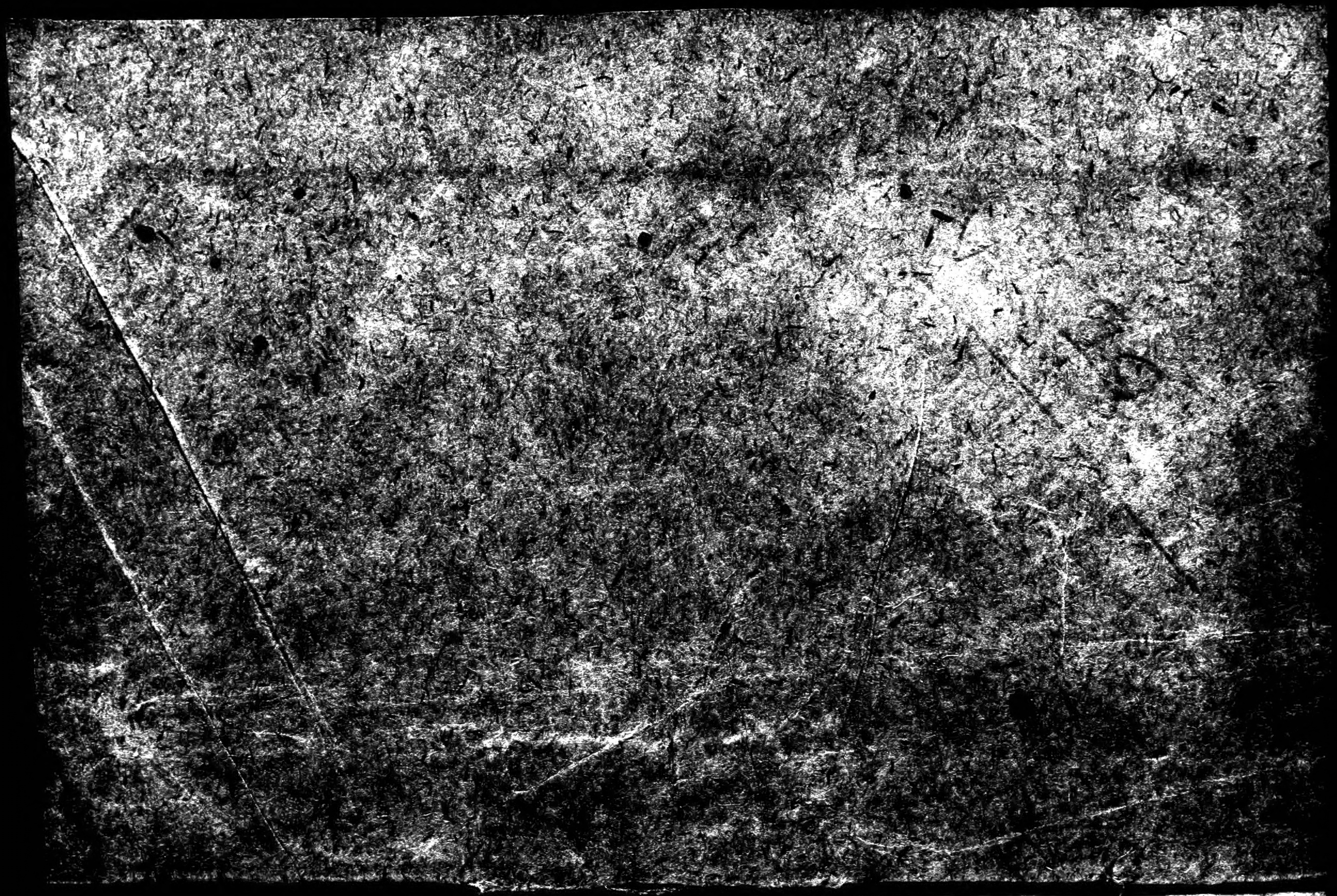
BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

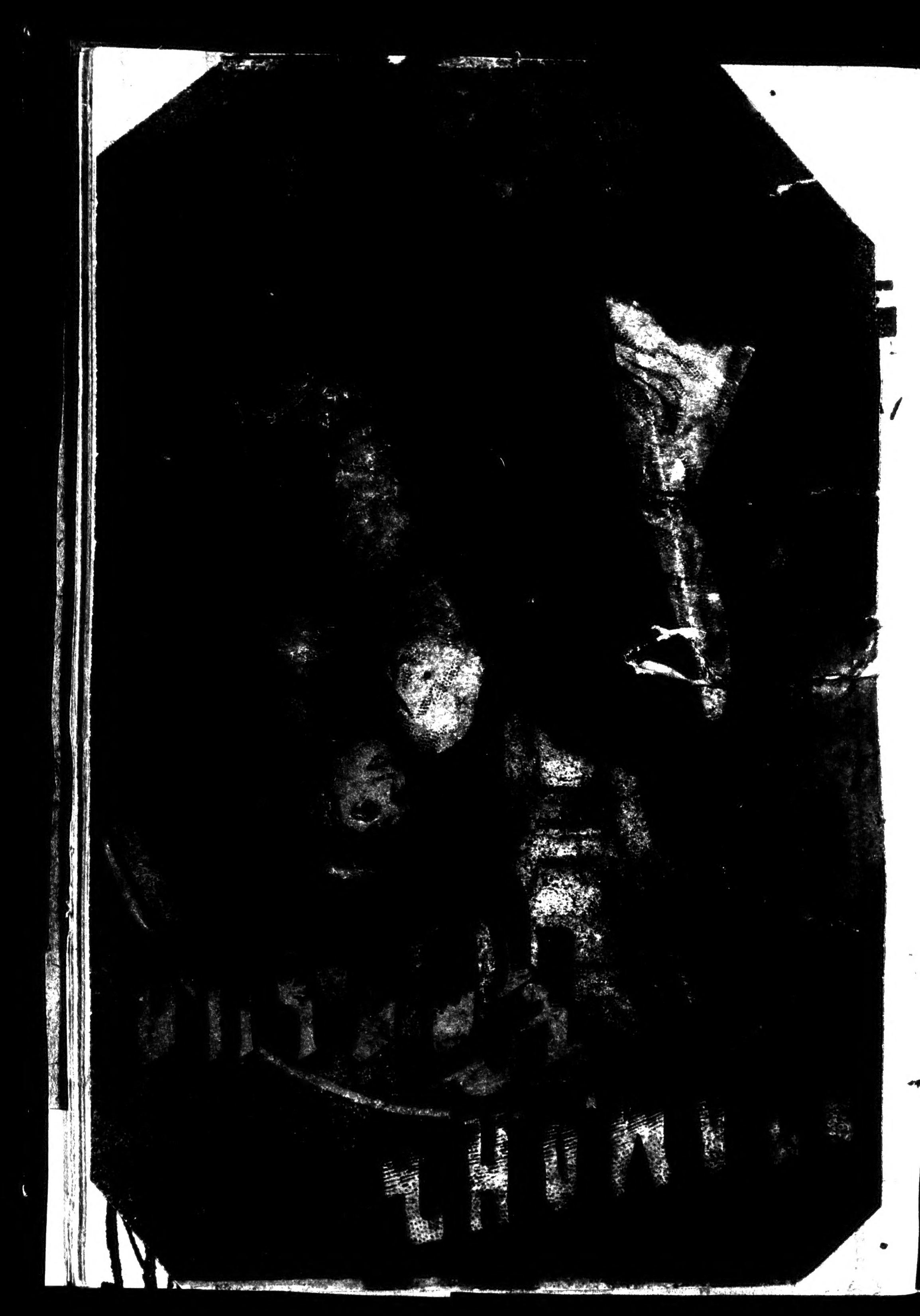
RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00049.13

Control Number: BGM-1911
OCLC Number : 24859805
Call Number : W 381.5917B Sa41a
Author : Sam-v, Evg.
Title : Ataman-Kol'tso, ili, Posol'stvo k tsariu Ioannu Groznomu : istoricheskii razskaz v dvukh chastiakh / Evg. Sam-va.
Imprint : Moskva : Tip. P.V. Biel'tsova, 1911.
Format : 84 p. ; 18 cm.
Note : Color ill. on cover.
Subject : Chapbooks, Russian.
Subject : Russia History Ivan IV, 1533-1584 Fiction.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10-28-94
Camera Operator: CS





W 381. 59/75 Эа 4а

АТАМАНЪ-КОЛЬЦО,

или

ПОСОЛЬСТВО

КЪ ЦАРЮ ІОАННУ ГРОЗНОМУ.

Историческій разсказъ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Евг. Сам—ва.

МОСКВА,
Т-во П. В. БЫЛЬЦОВА, Покровск. бор., Частопр. пр., д. № 142.
1911 г.

ПОСОПРСЛВО

ЕЛИЖАЕЛР-КОЖРДО

Часть I-я.

ГЛАВА I.

Немного старины.

Широка и привольна наша великая русская рѣка матушка-Волга, и въ настоящее время и теперь еще многіе изъ русскихъ и даже изъ иностранцевъ торопятся побывать на ней и разъѣзжаютъ по ней снизу вверхъ и обратно и не по дѣлу какому-нибудь, а просто только для того, чтобы полюбоваться красавицей рѣкой и ея живописными берегами. И не даромъ пріѣзжаютъ на Волгу эти добровольные путешественники, или, какъ ихъ называютъ, туристы; есть на самомъ дѣлѣ имъ чѣмъ полюбоваться на на-

шей многоводной кормилицѣ и будетъ имъ чемъ разсказать, когда они вернутся домой.

Такова Волга теперь, когда она, по сказаніямъ старожиловъ, постепенно мельчаетъ, и берега ея теряютъ постепенно свою первобытную прелесть. Но какова же должна была быть Волга вѣка четыре, пять тому назадъ?

Еще шире, еще необъятнѣе была она, еще гуще и непроходимѣе были лѣса по ея нагорному берегу и еще привольнѣе были степи, раскинувшіяся около нея.

Текла тогда величавая Волга по своему широкому руслу, и не было почти что души человѣческой въ тѣхъ лѣсахъ, которые отражались въ свѣтлыхъ волнахъ Волги; но зато много движенія было по самой рѣкѣ: то и дѣло ходили или отдѣльныя судна или цѣлые караваны ихъ, то внизъ на Астрахань, то вверхъ изъ Астрахани въ разные коренные россійскіе города; а промежъ этихъ судовъ, а иногда даже въ одиночку то и дѣло сновали разбойничьи струги. Во времена стародавнія предкамъ нашимъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ жилось куда хуже и незавиднѣй нашего.

Взять хотя бы тѣхъ же разбойниковъ!

Въ настоящее время, благодаря мудрымъ заботамъ нашего правительства, мы можемъ совершенно безопасно ѣздить изъ края въ край нашего обширнаго отечества; увѣрен-

не захватываемъ мы съ собою въ своихъ путешествіяхъ деньги и разныя другія цѣнности, будучи вполнѣ увѣрены въ томъ, что намъ не грозитъ на дорогѣ опасность быть ограбленными. И потому мы такъ увѣрены, что мы далеко не считаемъ себя беззащитными, такъ какъ мы находимся постоянно подъ надежною защитою законовъ и властей. Но не то совсѣмъ было нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Положимъ, что и тогда, конечно, были законы, запрещающіе лихимъ людямъ грабежъ, но не было тогда хорошо устроеннаго наблюденія за порядкомъ и за безопасностью путешествующихъ. Страна наша была и въ то время очень обширна, города же и поселенія на ней не были такъ часты, какъ теперь; а войска и другихъ служащихъ, которые наблюдали бы за безопасностью путешествующихъ было крайне недостаточно.

Вотъ тогда то и открывался полный просторъ для разныхъ темныхъ дѣлъ людей, состоящихъ изъ различнаго сброда. Особенно славилась своими разбойниками, грабившими и разбивавшими суда и караваны, плавающіе на ней, матушка-Волга.

На Волгѣ, пользуясь тѣмъ, что по ней происходило самое оживленное движеніе товаровъ и что она была удалена отъ центра правленія, который находился въ Москвѣ, составлялись цѣлыя многочисленныя шайки

DAMAGED PAGE(S)

разбойниковъ, державшія въ страхѣ не только суда, плавающія по рѣкѣ, но даже и жителей приволжскихъ селъ и деревень. Такія шайки жили до поры до времени шумно, весело и безпечно, но, конечно, рано или поздно попадались въ руки правительства и терпѣли вполнѣ ими заслуженное наказаніе...

Было раннее утро іюньскаго дня. Только недавно пропала еще на востокѣ пурпурная полоса, обыкновенная предвѣстница скораго появленія солнца, а солнце еще только начинало мало-по-малу выдвигаться изъ-за широкой полосы лѣса, раскинувшагося по горизонту.

Ранія птички уже проснутись и огласили своими голосистыми веселыми звуками окрестности. Тиха и величественна была въ это время Волга; легкій вѣтерокъ поднималъ на ней лишь небольшіе гребни, которые, какъ бы ласкаясь, лѣзли одинъ на другой, толкали другъ друга, пропадали и замѣнялись другими, появлявшимися на ихъ мѣстѣ.

Слегка поеживаясь отъ утренней свѣжести и отъ вѣтерка, несшагося съ рѣки, лежалъ въ густыхъ прибрежныхъ кустахъ какой-то человѣкъ. Онъ былъ средняго роста, но плечи его отличались замѣчательной широтою и вмѣстѣ съ высоко поднятою грудью свидѣтельствовали о томъ, что человѣкъ этотъ долженъ былъ обладать боль-

шою физическою силою. Онъ лежалъ на спинѣ и, казалось съ любопытствомъ наблюдалъ, какъ по лазурному небу плавно плыли одинъ за другимъ нѣжныя, дымчатыя облачка, имѣвшія самыя разнообразныя и причудливыя формы.

Но только очень опытному наблюдателю могло показаться, что человѣкъ, лежащій повидимому такъ беззаботно въ кустахъ, наблюдаетъ за этими нѣжными облачками.

На самомъ же дѣлѣ лежащему было вовсе не до того, чтобы любоваться красотами природы и слѣдить за нѣжными облачками, и хотя глаза его дѣйствительно глядѣли на небо, но нинеш[illegible] онъ изъ происходящаго въ немъ, другое было въ его мысляхъ.

— И гдѣ только лѣшій ихъ носитъ?—ворчалъ незнакомецъ — хотѣли прійти вскорѣ же послѣ полуночи, а ихъ нѣтъ и до этихъ поръ. Никогда не [illegible]етъ толку, если послать ихъ однихъ! [illegible]но дѣти маленькія: или перепутаютъ, или придутъ совсѣмъ не во время! Ну, что [illegible]етъ теперь, если они не поспѣютъ ко [illegible]ени? Вѣдь тогда придется ни за что ни про что пропустить астраханское судно. [illegible] немъ, развѣдчики говорятъ, товар[illegible] товаровъ то да и казны всякой [illegible] видимо-то [illegible]

Незнакомец[illegible] минуты, но минутъ [illegible] новался все [illegible] сотѣ и наконецъ, во-

неніе его дошло до такихъ размѣровъ, что уже не позволяло ему лежать на одномъ мѣстѣ: онъ всталъ и началъ быстрыми шагами ходить вдоль берега, около прибрежныхъ кустовъ, стараясь однако всегда придерживаться такого мѣста, чтобы со стороны рѣки его было совершенно незамѣтно.

— Ну, ужъ и задамъ же я имъ баню! Ужъ и проберу же я ихъ, дай только имъ показаться. И не даромъ-то мнѣ не очень хотѣлось отпускать ихъ! Такъ нѣтъ! Да и что же съ ними подѣлаешь; оно, конечно, можно бы подѣлать: сумѣлъ бы и такъ сдѣлать, что никто бы итти не осмѣлился! — Ну, да хотѣлось и ихъ потѣшить; думалъ, пусть пойдутъ и придутъ во время. А они, лѣшій ихъ побери, тянутъ вотъ до какихъ поръ! Ой, не упустить бы мнѣ астраханское судно! Что если ребята не поспѣютъ къ этому времени!? И дернула же меня нелегкая ихъ отпустить!..

Вдругъ незнакомецъ остановился и началъ прислушиваться.

Долго стоялъ онъ, внимательно и напряженно прислушиваясь и потомъ стремительно опустился на землю, прильнувъ къ ней ухомъ.

— Ну, такъ и есть! — сказалъ онъ, и дикая злоба отразилась въ его глазахъ.—Такъ и есть! Вотъ сейчасъ пойдетъ судно: мнѣ уже слышны пѣсни бурлаковъ, ведущихъ

его. А моихъ, проклятыхъ, все еще нѣтъ! Не одному же мнѣ напасть на цѣлое судно!

И онъ опять въ безсильной злобѣ заметалъ взадъ и впередъ по берегу.

Внезапно онъ остановился и сталъ что-то соображать.

— Что же?!—произнесъ онъ,—попробую одинъ напасть на судно! Будь, что будетъ, а я попробую попытать счастья!

Съ этими словами онъ пробрался въ самую чащу кустовъ и залегъ въ нихъ такъ укромно, что ничей посторонній взглядъ на эти кусты не могъ бы догадаться, что въ нихъ находится какое нибудь живое существо.

— Пѣсни, заунывныя пѣсни, бурлаковъ становились все слышнѣе и слышнѣе и, наконецъ, ясно стало, что бурлаки находятся всего въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ залегшаго въ кустахъ незнакомца.

Вотъ показались бурлаки! Медленно шли они, съ трудомъ влача свои лямки.

Какъ только завидѣлъ ихъ незнакомец[illegible] то онъ, какъ тигръ, выбросился изъ сво[illegible] засады и перерѣзалъ ножемъ лямки. [illegible] было сдѣлано такъ неожиданно, что большинство бурлаковъ попадали на землю, бурлаки же устоявшіе на ногахъ, были такъ ошеломлены неожиданнымъ нападеніемъ на нихъ незнакомца, что, не думая нисколько оказывать какое-нибудь сопротивленіе, ки-

нулись безъ оглядки въ разныя стороны. Незнакомецъ же, стремительно схвативъ канатъ, привязанный къ проходившему судну, зычнымъ голосомъ вскрикнулъ находившимся на этомъ суднѣ людямъ:

— Эй, кидайте въ воду все ваше оружіе!

На суднѣ показались люди, одѣтые богато и нарядно и вооруженные вполнѣ исправно, но несмотря на эту исправность вооруженія находящихся на суднѣ людей, сразу же можно было замѣтить, что они принадлежатъ не къ воинскому, а къ торговому сословію.

— И дѣйствительно это были купцы и купеческіе приказчики, сопровождавшіе судно.

Замѣтивъ, что незнакомецъ, будучи совершенно одинокъ, думаетъ приказывать имъ всѣмъ, они насмѣшками и бранью отвѣчали на нахальное приказаніе, обращенное къ нимъ.

— Да что вы думаете, что я безъ ума сталъ или смѣюсь что ли съ вами?! Продолжалъ тѣмъ же зычнымъ голосомъ кричать незнакомецъ. — Не видите развѣ того утеса, который позади васъ?! выпущу вотъ канатъ и судно ваше наскочитъ на утесъ и разлетится на мелкія щепки!

Бывшіе на суднѣ оглянулись и замѣтили, что угроза, обращенная къ нимъ незнакомцемъ, очень легко можетъ быть приведена имъ въ исполненіе, такъ какъ дѣйствитель-

но достаточно было незнакомцу выпустить канатъ изъ своихъ рукъ, чтобы судно налетѣло на острый утесъ и погибло бы вмѣстѣ со всѣми находившимися на немъ пассажирами.

Сообразивъ все это, пассажиры на виду незнакомца стали выкидывать въ воду свое оружіе; но на всякій случай они оставили у себя нѣкоторое вооруженіе. Однако такая уловка не ускользнула отъ глазъ зоркаго незнакомца и онъ не допустилъ, чтобы его провели люди находившіеся на суднѣ.

— Теперь сами кидайтесь всѣ въ воду и плывите къ тому берегу, а не въ мою сторону! — дерзко командовалъ незнакомецъ купцамъ и ихъ приказчикамъ.

Тѣ, во избѣжаніе опасности, принуждены были исполнить и это приказаніе незнакомца; они вплавь пустились къ другому берегу и оставили свое судно на произволъ незнакомца, который въ это время завертывалъ около ствола одного толстаго дерева находившійся у него въ рукахъ конецъ каната.

ГЛАВА II.

Еще незнакомецъ.

— А лихо же однако провелъ я этихъ торговыхъ людей! Вишь десятка полтора ихъ наберется, а не могли поладить и съ однимъ со мною! Ну, и по дѣломъ имъ за это! Не умѣли владѣть своимъ судномъ, такъ буду владѣть я. Только вотъ что-то не видать нашихъ, а то мы вмѣстѣ бы и разгрузили всѣ купеческіе товары!

Такъ говорилъ незнакомецъ, потирая себѣ руки и прохаживаясь по берегу. — Жаль только — продолжалъ онъ, — что они не видали всей этой штуки! То-то удивятся они, когда я перескажу имъ о томъ, какъ я управился съ этими купцами!

— Да и я могу разсказать твоимъ товарищамъ о томъ, какъ подивился я, глядя на твою удаль! — вдругъ раздался голосъ сзади незнакомца, который тотчасъ же обер-

нулся и съ удивленіемъ замѣтилъ стоящаго передъ нимъ человѣка, о присутствіи котораго въ этихъ мѣстахъ онъ и не подозрѣвалъ.

— Ты кто такой и какъ попалъ сюда? — сурово спросилъ незнакомецъ у человѣка, который заговорилъ съ нимъ.

— А я, атаманъ, такой же человѣкъ, какъ и ты; только не похвалюсь такою удалью, какая у тебя, да позавидую твоей силушкѣ. Нечего сказать, позавидовать [illegible] чему: отродясь я не видывалъ такого [illegible]ря. Попалъ какъ сюда? ты го[illegible], очень просто попать: на сво[illegible]ть.

— Но почему же ты зна[illegible]ма-манъ и называешь меня [illegible]ть? Вѣдь на моемъ [illegible] не напис[illegible] о томъ, что я атаманст[illegible]. Не врешь ли ты?

— Кабы я не зналъ вѣрно, такъ и не говорилъ бы, а я знаю не только, что ты атаманъ, но какъ и звать тебя знаю!

— Скажи-ка, если ты знаешь?

— А ты ни кто другой какъ Ермакъ Тимофеевичъ!

— Вѣрно, — сказалъ Ермакъ, — теперь говори мнѣ: не волею или волею ты явился ко мнѣ, и что тебѣ отъ меня надо, да скажи кстати и о своемъ имени?

— Зовутъ меня Иваномъ, а явился [illegible] тебѣ по своей волѣ и по своему дѣлу [illegible]

вѣчалъ Ермаку такъ неожиданно явившійся къ нему человѣкъ.

Человѣкъ этотъ какъ ростомъ, такъ и осанкою своею много напоминалъ самаго Ермака, только Ермакъ былъ поплечистѣе и имѣлъ грудь нѣсколько повыше.

— Такъ, такъ, — отвѣчалъ новоприбывшему Ермакъ, которому очень понравился какъ видъ, такъ и самоувѣренный тонъ рѣчей прибывшаго къ нему незнакомца. — Теперь, Иванъ, скажи, что у тебя за дѣло до меня, зачѣмъ ты пожаловалъ ко мнѣ. Вѣдь ты, какъ видно, отыскивалъ меня?

— Отыскивалъ тебя я, это вѣрно, атаманъ Ермакъ Тимофеевичъ, да вѣрно должно быть и то, что на ловца и звѣрь бѣжитъ; поэтому-то и встрѣтилъ я тебя нежданно-негаданно тамъ, гдѣ и не ожидалъ тебя встрѣтить. Я слыхалъ, что твои ребята работаютъ немного повыше отсюда: думалъ, что и ты съ ними, а ты вишь тутъ одинъ.

— Одинъ, Иванъ! одинъ я тутъ поработывалъ!

— Вижу, атаманъ, что работалъ ты тутъ одинъ, но работалъ такъ, какъ не всегда удается поработать и цѣлой шайкѣ! — хвалилъ Ермака Иванъ.

— Да ты оставь меня нахваливать-то и говори скорѣй, что ты и зачѣмъ меня отыскивалъ. Вижу я по словамъ твоимъ, что

парень ты не тумакъ, коли сумѣлъ найти мои слѣды и слѣды моей шайки?!..

— Да видишь ли атаманъ, если все тебѣ говорить, то много времени уйдетъ на это!

— Это не бѣда,—отвѣчалъ Ермакъ,—времени мнѣ теперь дѣвать некуда; вишь судно-то теперь привязано: такъ мы ляжемъ вотъ здѣсь на травку и будемъ съ тобою говорить. А тамъ скоро и товарищи мои подойдутъ. Они вмѣстѣ со мною будутъ разгружать судно. Можешь и ты намъ пособить.

— Отчего не пособить? Пособлю съ большей охотой, — отвѣчалъ Иванъ. Затѣмъ и пришелъ я къ тебѣ, атаманъ, чтобы пособлять тебѣ и твоимъ ребятамъ. А, пожалуй, пока я не прочь и поразсказать кое-что о себѣ, коли ты хочешь слушать.

— Такъ ложись-ка вотъ рядкомъ, да и потолкуемъ ладкомъ, — предложилъ Ермакъ Ивану.

При этихъ словахъ Ермакъ первымъ легъ подъ то высокое и развѣсистое дерево, къ отволу котораго было привязано судно, только-что украденное у купцовъ.

Иванъ же скоро послѣдовалъ примѣру Ермака.

— Скажи только мнѣ, Ермакъ Тимофеевичъ, все-ли тебѣ говорить про себя, или только то, что случилось со мною въ послѣднее время? — спросилъ Ермака Иванъ.

IRREGULAR PAGINATION

— Видишь-ли, Иванъ, ты мнѣ очень понравился, а потому и разсказывай мнѣ про себя все съ самаго начала, какъ ты родился, какъ въ люди пошелъ и съ какой стати ко мнѣ пришелъ, — отвѣчалъ Ермакъ. — Къ тому же мои то ребята едва ли скоро подойдутъ ко мнѣ; позамѣшкались они что-то, такъ время-то у насъ пока совсѣмъ свободно.

— Скажи лучше, Ермакъ Тимофеевичъ, есть ли у тебя охота слушать, а у меня давно была охота подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своимъ горемъ особенно съ такимъ человѣкомъ, какъ ты.

— Ну, разсказывай же про свое житье-бытье! Я слушаю!

— Слушай, атаманъ, всю правду-матку тебѣ повѣдаю. Родился я тоже около кормилицы нашей, около многоводной Волги и помню ее, матушку съ самыхъ малыхъ лѣтъ. Все помню: какъ и купаться я въ нее бѣгалъ, какъ на ней рыбу лавливилъ и какъ потомъ на ней же, по горю моему, по моей горькой судьбинушкѣ, началъ я, — нечего передъ кѣмъ другимъ, а передъ тобою таить, — разбойничать!

— Ого! — прервалъ рѣчь Ивана Ермакъ, — вотъ каковъ ты! Ты ужъ и разбойничалъ: стало быть ты намъ товарищъ и не даромъ же ты мнѣ такъ понравился съ перваго раза!

Волги и думаю, какъ бы скорѣе повидать мнѣ дядю Михайлу и невѣсту; подъѣзжаю къ селу, да такъ и замеръ. На томъ мѣстѣ, гдѣ было наше село, стоятъ только одни обгорѣлые пни, да мѣстами валяются трупы знакомыхъ мнѣ мужичковъ, съ разсѣченными головами. Сразу же припомнилъ я разсказы стариковъ о томъ, какою смертію умеръ отъ руки татаръ мой отецъ и сразу же сообразилъ, что раззореніе нашего села дѣло татарскихъ рукъ. Но гдѣ же дядя Михайло? гдѣ моя дорогая невѣста? гдѣ мои односельчане? вотъ что думалъ я. Неужели же никого изъ нихъ не осталось, кто бы могъ разсказать мнѣ о случившемся несчастіи. Долго бродилъ я по пепелищу, оставшемуся на мѣстѣ нашей деревни и только на утро слѣдующаго дня встрѣтилъ одного старика, который сказалъ мнѣ, что всѣ жители села перебиты напавшими на нихъ совершенно врасплохъ татарами. А твой дядя Михайло также убитъ на моихъ глазахъ, говорилъ мнѣ этотъ старикъ, невѣста же твоя вмѣстѣ съ другими дѣвушками и женщинами уведена въ татарскій полонъ!

— Скажи же мнѣ, старикъ, — обратился я тогда съ вопросомъ къ старику, — неужели же не осталось никого изъ всѣхъ жителей села?

— Остались кое-какіе старики и парни, да трудно ихъ днемъ найти гдѣ-нибудь, а

по ночамъ они всегда собираются въ сухой балкѣ, около прежняго сѣнокоса.

Не довѣряя словамъ старика, что оставшихся въ живыхъ жителей деревни можно застать въ сухой балкѣ только по ночамъ, я отправился тотчасъ же въ мѣсто, указанное мнѣ старикомъ.

Я ясно видѣлъ тамъ оставшіеся слѣды пребыванія крестьянъ, но къ удивленію моему я, дѣйствительно, согласно словъ старика, прождалъ крестьянъ цѣлый день и дождался ихъ возвращенія только около полуночи. Они возвратились всѣ навеселѣ и очень обрадовались, увидѣвъ меня, такъ какъ, я уже говорилъ и ранѣе, въ селѣ меня любили. Я началъ разспрашивать ихъ, почему они такъ веселы въ такое время, въ которое имъ по настоящему должно быть совсѣмъ не до веселья.

— Эхъ, Ваня, Ваня,—отвѣчали они—самъ посуди; остались мы послѣ татарскаго погрома безъ хлѣба и безъ крова: что намъ оставалось дѣлать? Вотъ и пошли мы на дорогу размыкать свое горе и добывать себѣ пропитаніе. Тутъ я догадался, что мои товарищи попросту стали разбойниками. Они предложили мнѣ быть у нихъ есауломъ; я долгое время не только отказывался отъ этого званія, но даже уговаривалъ и товарищей бросить ихъ опасный промыселъ. Но вотъ нѣкоторые изъ нихъ, зная мою любовь къ

невѣстѣ, стали говорить мнѣ, что стоитъ мнѣ только сдѣлаться ихъ есауломъ, да набрать въ свою шайку побольше народа, такъ тогда я съ своими молодцами легко могу напасть на татаръ, отомстить имъ и вырвать изъ ихъ рукъ свою невѣсту. Эта мысль очень понравилась мнѣ, и я хотя на время рѣшился стать эсауломъ у моихъ товарищей, питая въ душѣ мысль когда-либо, во что-бы то ни стало, вырвать изъ рукъ татаръ мою невѣсту.

На рукѣ у меня всегда было кольцо, полученное мною отъ невѣсты, а потому товарищи мои и прозвали меня своимъ есауломъ Иваномъ Кольцо.

Долго я пробылъ со своими товарищами проводя время въ грабежахъ и разбояхъ и день ото дня все болѣе убѣждаясь въ томъ, что товарищи мои такіе трусы, которые могутъ только десятками нападать на одного, а о нападеніи съ ними на татаръ нечего было и думать. Наслышался я, Ермакъ Тимофеевичъ, объ удалыхъ твоихъ поступкахъ и порѣшилъ итти розыскивать тебя и бить тебѣ челомъ, чтобы ты принялъ меня въ свою шайку.

Такъ закончилъ свой разсказъ Иванъ Кольцо.

ГЛАВА III.

Дѣлежъ добычи.

— По всему видно, что ты парень молодецъ и на свою руку охулки не положишь, —началъ Ермакъ, выслушавъ разсказъ Ивана Кольцо.—Добро, добро, я принимаю тебя къ себѣ, только скажу тебѣ одно, что мы народъ такой, что съ бабьемъ возиться не любимъ, а если попадутъ намъ на глаза татары, то всегда будемъ готовы помѣряться съ ними силами, какія бы они не были: тѣ ли, что украли у тебя невѣсту, или какие-нибудь другіе.

— Что дѣлать, атаманъ Ермакъ Тимофеевичъ, если и не удастся мнѣ вызволить свою невѣсту изъ рукъ поганыхъ татаръ, то я хоть размыкаю свое горе по Волгѣ-матушкѣ съ твоими удальцами, — отвѣчалъ Иванъ Кольцо.

— Ну, такъ и оставайся съ нами. Теперь вотъ пока и будемъ валяться здѣсь, поджидать товарищей.

А не бѣда будетъ, атаманъ, если я попытаюсь узнать, далеко ли и на долго ли ушли твои молодцы.

— Какая же тутъ бѣда? Ты теперь нашъ и мы отъ тебя таиться не будемъ. Видишь ли, пронюхали мои молодцы, что верстахъ въ десяти отсюда идетъ одинъ обозъ, и ну приставать ко мнѣ, чтобы я отдалъ приказъ разграбить этотъ обозъ. А я то заупрямился и такого приказа отдавать не хотѣлъ, да и было отчего мнѣ упрямиться. Обозъ, которому надо было проходить въ тѣхъ мѣстахъ, куда они теперь отправились, былъ очень не богатъ и корысти никакой отъ него ожидать было нельзя, къ тому же при обозѣ этомъ по всей вѣроятности будетъ много вооруженныхъ провожатыхъ, да потомъ я зналъ, что здѣсь будетъ проходить вотъ это самое судно, что теперь привязано мною къ этому дереву; а на этомъ суднѣ богатствъ будетъ куда поболѣе, чѣмъ въ томъ обозѣ, грабить который отправились наши молодцы. Надо же кому-нибудь остаться и покараулить это судно. Ну, а молодцы-то мои пристаютъ и пристаютъ ко мнѣ: отправь да отправь ихъ къ обозу! Разсердился я на этихъ дурней, махнулъ рукою и сказалъ: идите, коли такъ хотите, на тотъ обозъ, что

вы облюбовали одни, а я останусь тутъ и буду караулить судно. Только, сказалъ я имъ, приходите скорѣе, чтобы не проморгать судна! Обрадовались они: Ладно, ладно, — кричатъ — атаманъ! Будь въ надеждѣ, что мы придемъ къ тебѣ во время да и не съ пустыми руками; самъ потомъ насъ похвалишь!

— Ха, ха, ха! — захохоталъ Ермакъ, не знаю придется ли мнѣ похвалить своихъ молодчиковъ. Ну, а имъ-то ужъ все-таки придется мнѣ позавидовать. Вишь, какую славную рыбку послала мнѣ на нынѣшній день Волга-матушка?

— Да, атаманъ, — восхищался Иванъ Кольцо, — не знаю я, что такое, какіе товары на суднѣ, а ужъ диву дался, глядя на твою удаль и силу. Я такъ и думалъ, что тебя бичевой-то стянетъ. Такъ, нѣтъ! Куда тебѣ! Ты этимъ судномъ-то ровно легенькой лодочкой управилъ. И откуда у тебя, Ермакъ Тимофеевичъ, такая силушка?

— Должно быть отецъ съ матерью наградили меня ею! — отвѣчалъ Ермакъ. Помню я, какъ, будучи еще парнемъ, ходилъ одинъ на цѣлую стѣнку, а потомъ дѣло дошло до того, что меня и принимать не стали на кулачные бои!

— А что теперь, атаманъ, стало съ тѣми бурлаками, которые остались на этомъ берегу и съ тѣми купцами и купеческими приказчиками, которыхъ ты такъ ловко сиро-

вадилъ на тотъ берегъ? — спросилъ Иванъ Кольцо.

— А что же съ ними сталось? Бурлаки побродятъ, побродятъ, по этому берегу и ужъ, навѣрно, чтобы не умереть съ голоду, придутъ ко мнѣ же просить хлѣба. А купцы со своими приказчиками все же небось захватили съ собою денегъ и теперь удираютъ во всѣ лопатки на томъ берегу, такъ какъ догадываются, что я не одинъ и что ко мнѣ скоро должны будутъ прійти товарищи, съ которыми мы и станемъ разгружать судно. Затѣмъ Ермакъ съ Кольцомъ поговорили еще немного, послѣ него Ермакъ, оставивъ Кольцо подъ тѣмъ же деревомъ, подъ которымъ они лежали, отправился самъ въ ту сторону, съ какой должны были явиться его товарищи, чтобы посмотрѣть, не приближаются ли они. Долго ходилъ Ермакъ и воротился суровый и сердитый; лицо его было мрачно, и онъ присѣвъ около Ивана Кольцо, съ сердцемъ сказалъ, какъ бы про себя: вѣдь говорилъ дурнямъ, что не слѣдовало было ходить имъ за этимъ обозинкой, такъ нѣтъ! пристали, ровно ребята малые: отпусти, да отпусти. Ишь вѣдь, до которыхъ поръ не идутъ, чуетъ мое сердце, что случилось съ ними что нибудь не доброе, а то они давнымъ-давно бы должны были быть тутъ. Нарвались, должно быть, на сильную охрану. И Ермакъ, проговоривъ это, вновь рас-

тянулся на травѣ и замурлыкалъ себѣ подъ носъ какую-то разбойничью пѣсню, которую скоро началъ подтягивать и Кольцо.

Вдругъ Ермакъ встрепенулся и вскочилъ на ноги.

— Стой, стой, — прокричалъ онъ Ивану Кольцо. Погоди пѣть то, чую я, что мои молодцы подходятъ: по вѣтру чую.

Изумленный Кольцо началъ также прислушиваться, прекративъ свое пѣніе. Но сколько не прислушивался Кольцо, онъ не могъ различить никакихъ признаковъ приближенія шайки, хотя слухъ Кольцо такъ же, какъ и зрѣніе его, были развиты у него чрезвычайно.

— Идутъ, — сказалъ Ермакъ, опускаясь на траву. — Идутъ, только что-то тихо идутъ и пѣсенъ не слыхать. Должно быть не солоно похлебали. Ну, да и лѣшій съ ними: другой разъ будутъ умнѣе и не будутъ своего носа совать туда, гдѣ ихъ не спрашиваютъ.

— Дивлюсь я, атаманъ, глядя на тебя, — сказалъ Кольцо, дѣйствительно удивлявшійся необыкновенному чутью Ермака, угадавшаго приближеніе шайки.

— А на что же ты дивишься? — спросилъ Ермакъ.

— Да какъ же! Ужъ на что я не бывалъ въ передѣлкахъ, и моему чутью удивлялись многіе, однако я и подумать не могу, что

твои молодцы близко, сколько я не прислушивался.

— Ха-ха-ха! — самодовольно засмѣялся Ермакъ, — погоди — еще то ли ты услышишь, когда побудешь съ нами немного; а походишь побольше, такъ и самъ станешь поопытнѣй. — Дѣйствительно, какъ бы въ подтвержденіе словъ Ермака, вскорѣ изъ за высокихъ кустовъ, находившихся невдалекѣ отъ Ермака и Кольцо, послышались голоса возвращавшихся съ набѣга разбойниковъ, голоса эти становились все громче и громче и, наконецъ, раздался совсѣмъ громкій окрикъ:

— Атаманъ, ты здѣсь что ли?!

— Я то, какъ былъ здѣсь такъ и есть; васъ то гдѣ лѣшій носилъ? Говорите скорѣе.

Изъ-за кустовъ вышла большая шайка разбойниковъ. И какой плачевный видъ представляла эта шайка; одежда у всѣхъ почти что разбойниковъ была порвана, и многіе разбойники были сильно изранены не говоря уже о тѣхъ, у которыхъ были легкія царапины.

Сзади разбойниковъ шли двѣ нагруженныя подводы, на которыхъ сидѣло нѣсколько разбойниковъ, которые были ранены такъ сильно, что не въ состояніи были итти сами.

— Хороши! хороши! Лѣшій васъ задери! — злобно проворчалъ Ермакъ, глядя на это печальное шествіе разбойниковъ.

тянулся на травѣ и замурлыкалъ себѣ подъ носъ какую-то разбойничью пѣсню, которую скоро началъ подтягивать и Кольцо.

Вдругъ Ермакъ встрепенулся и вскочилъ на ноги.

— Стой, стой, — прокричалъ онъ Ивану Кольцо. Погоди пѣть то, чую я, что мои молодцы подходятъ: по вѣтру чую.

Изумленный Кольцо началъ также прислушиваться, прекративъ свое пѣніе. Но сколько не прислушивался Кольцо, онъ не могъ различить никакихъ признаковъ приближенія шайки, хотя слухъ Кольцо такъ же, какъ и зрѣніе его, были развиты у него чрезвычайно.

— Идутъ, — сказалъ Ермакъ, опускаясь на траву. — Идутъ, только что-то тихо идутъ и пѣсенъ не слыхать. Должно быть не солоно похлебали. Ну, да и лѣшій съ ними: другой разъ будутъ умнѣе и не будутъ своего носа совать туда, гдѣ ихъ не спрашиваютъ.

— Дивлюсь я, атаманъ, глядя на тебя, — сказалъ Кольцо, дѣйствительно удивлявшійся необыкновенному чутью Ермака, угадавшаго приближеніе шайки.

— А на что же ты дивишься? — спросилъ Ермакъ.

— Да какъ же! Ужъ на что я не бывалъ въ передѣлкахъ, и моему чутью удивлялись многіе, однако я и подумать не могу, что

твои молодцы близко, сколько я не прислушивалось.

— Ха-ха-ха! — самодовольно засмѣялся Ермакъ, — погоди — еще то ли ты услышишь, когда побудешь съ нами немного; а походишь побольше, такъ и самъ станешь поопытнѣй. — Дѣйствительно, какъ бы въ подтвержденіе словъ Ермака, вскорѣ изъ за высокихъ кустовъ, находившихся невдалекѣ отъ Ермака и Кольцо, послышались голоса возвращавшихся съ набѣга разбойниковъ, голоса эти становились все громче и громче и, наконецъ, раздался совсѣмъ громкій окрикъ:

— Атаманъ, ты здѣсь что ли?!

— Я то, какъ былъ здѣсь такъ и есть; васъ то гдѣ лѣшій носилъ? Говорите скорѣе.

Изъ-за кустовъ вышла большая шайка разбойниковъ. И какой плачевный видъ представляла эта шайка; одежда у всѣхъ почти что разбойниковъ была порвана, и многіе разбойники были сильно изранены не говоря уже о тѣхъ, у которыхъ были легкія царапины.

Сзади разбойниковъ шли двѣ нагруженныя подводы, на которыхъ сидѣло нѣсколько разбойниковъ, которые были ранены такъ сильно, что не въ состояніи были итти сами.

— Хороши! хороши! Лѣшій васъ побери! — злобно проворчалъ Ермакъ, глядя на это печальное шествіе разбойниковъ.

— Ну, разсказывай, что можетъ, что и какъ было у васъ послѣ того, какъ ушли отъ меня! — громко крикнулъ Ермакъ на приближившихся къ нему съ печальными лицами разбойниковъ. Изъ толпы ихъ вышелъ одинъ, высокаго роста парень, съ громаднымъ бѣльмомъ на глазу.

Вставъ передъ Ермакомъ онъ началъ было такъ:

— А вотъ что, атаманъ, было...

Но Ермакъ не далъ говорить ему, тотчасъ же прикрикнувъ на него:

— Это что за порядки? Къ чему ты суешься, Одноглазый, туда, гдѣ тебя не спрашиваютъ?!

— Развѣ языкъ отсохъ у вашего есаула Лѣвши? Гдѣ же Лѣвша-то? и отчего онъ не выходитъ?

— Потому я и вышелъ къ тебѣ, атаманъ, что нашего есаула нѣтъ, — проговорилъ Одноглазый — нѣтъ его: убили наповалъ, и мы закопали его верстахъ въ семи отсюда въ одномъ лѣсочкѣ. Такъ если хочешь, то я буду разсказывать тебѣ о томъ, что было, а не хочешь, то вели, чтобы кто-нибудь другой разсказалъ!

— Лѣшіе вы проклятые, — завопилъ страшнымъ голосомъ Ермакъ, не сумѣли вы уберечь и потеряли вы лучшаго моего есаула! Ну, говори скорѣе, какъ было дѣло, — вновь

— А такъ, атаманъ, было дѣло, — вновь

началъ свой разсказъ. Одноглазый, вышли мы отсюда вѣдь на вечерней зарѣ и въ темнотѣ достигли того мѣста, гдѣ хотѣли подождать этотъ проклятый обозъ. Забрались мы въ лѣсъ, прилегли сами на траву и разставили сторожевыхъ, которые караулили бы обозъ. Порядкомъ пришлось намъ отдохнуть, пока караульные не дали намъ знать, что обозъ подходитъ. Дали мы обозу подойти къ тому мѣсту, гдѣ были мы; посмотрѣли и увидали, что провожатыхъ при обозѣ не такъ себѣ, чтобы было ужъ слишкомъ много. Мы еще подумали что жъ это такое, что атаманъ запугивалъ насъ и говорилъ, что провожатыхъ будетъ больно много? — Дали мы обозу немножко миновать насъ, да и напрыгнули на него изъ лѣса. Сразу же на мѣстѣ уложили мы всѣхъ провожатыхъ и начали было разбивать обозъ, какъ вдругъ на насъ налетѣлъ сзади одинъ бояринъ со слугами, а слугъ-то было столько, что на каждаго изъ насъ приходилось почти по двое, да и напали то они на насъ невзначай и сзади. Что тутъ было дѣлать? Какъ не бились мы, а еле-еле унесли свои головы, да захватили, ужъ послѣ, вотъ эти двѣ подводы, которыхъ бояринъ со своими слугами не замѣтилъ въ лѣсу. Вотъ въ этой-то схваткѣ и былъ убитъ нашъ есаулъ Лѣвша. Славно досталось намъ, и у меня на спинѣ большая царапина отъ сабли!

— Черти, вы черти! — по прежнему проворчалъ Ермакъ, жалко мнѣ только есаула Лѣвшу, а вамъ досталось по дѣламъ, чтобы вы дурни этакіе, были умнѣе и слушались бы своего атамана. Ну, что встали? давайте сюда подводы, глядите, что тамъ есть, да и дѣлите поровну. Только не забудьте дать долю вотъ и этому молодцу, указалъ Ермакъ на Ивана Кольцо, онъ также теперь будетъ нашъ.

Почти всѣ съ любопытствомъ поглядѣли на сидящаго рядомъ съ Ермакомъ Ивана Кольцо, а нѣкоторые подошли и вступили съ нимъ въ разговоръ.

Начался дѣлежъ добычи, въ числѣ которой оказались два боченка съ виномъ, которые разбойники не дѣлили, а, по приказанію Ермака, роспили сообща. Выпитое вино развязало языки и глотки разбойниковъ и вскорѣ они огласили своими разгульными пѣснями мирныя окрестности, забывъ о только что понесенномъ ими пораженіи.

ГЛАВА IV.

Битва съ купцами.

— Атаманъ, а атаманъ,—сказалъ Одноглазый, подходя къ Ермаку, лежавшему въ глубокомъ раздумьѣ и мечтавшемъ о потерѣ есаула Лѣвши, который дѣйствительно, былъ его любимцемъ и его самымъ вѣрнымъ помощникомъ.

— Тебѣ, Одноглазый, что надо,—спросилъ Ермакъ очень непривѣтливо подошедшаго къ нему разбойника.

— А что такое, скажи на милость, я въ толкъ никакъ не возьму, что такое—вонъ судно-то стоитъ на Волгѣ и какъ будто судно это привязано, мы съ товарищими только сейчасъ замѣтили это!

— А!—съ злобной радостью воскликнулъ Ермакъ.—А, вы, разини, только что замѣтили это. Гдѣ же вамъ ротазѣямъ замѣтить было это ранѣе, Ваше вѣдь дѣло только подмѣчать богатые боярскіе обозы, да на

нихъ налетать цѣлою шайкою! Ха-ха-ха! Много вы взяли, налетѣвъ на боярскій то богатый обозъ. Развѣ что эти два боченка вина. За то сколько товарищей потеряли, а съ ними и есаула Лѣвшу, на котораго я не промѣнялъ бы и половины васъ. Эй, вы,— крикнулъ затѣмъ Ермакъ, обращаясь уже ко всѣмъ разбойникамъ.—Эй, вы! Собирайтесь-ка около меня да послушайте какъ надо работать. Всѣ разбойники, услыхавъ зычный голосъ своего атамана, собрались и стали въ кружокъ около него.

— Вотъ кричалъ между тѣмъ Ермакъ, вотъ видите ли это судно. Ну, видите.

— Видимъ! видимъ! загудѣли разбойники въ одинъ голосъ.

— А знаете-ли,—продолжалъ попрежнему кричать Ермакъ,—знаете-ли, что на этомъ суднѣ богатствъ въ десять разъ болѣе, чѣмъ въ томъ обозѣ, на который вы наткнулись ночью? вѣрите ли мнѣ?

— Вѣримъ. Вѣримъ,—также дружно отвѣтили разбойники съ любопытствомъ слушая своего атамана.

— Ну, такъ знайте, что это судно взялъ только одинъ я. Никто не помагалъ мнѣ въ этомъ, а на этомъ суднѣ то было человѣкъ пятнадцать, а не то поболѣе однихъ приказчиковъ, да были еще бурлаки, которые его тянули. Знаете, какъ я управился.

Разбойники съ недоумѣніемъ глядѣли на своего атамана и не знали вѣрить ли или не вѣрить его словамъ, но не вѣрить было нельзя, судно, привязанное къ дереву, стояло передъ ними очевиднымъ доказательствомъ справедливости словъ Ермака, тѣмъ болѣе, что они знали, что онъ дѣйствительно былъ только одинъ оставленъ ими на берегу.

— Что же вы стоите, разинувъ рты? Видите, вы даже и придумать не можете, какъ это можно было сдѣлать. Такъ гдѣ же вамъ можно сдѣлать это? Разини, вы разини, а теперь послушайте, я разскажу вамъ о томъ, какъ мнѣ удалось залучить въ свои руки эту добычу! И Ермакъ подробно разсказалъ всѣмъ разбойникамъ о томъ, какъ удалось ему одному забрать въ свои руки купеческое судно.

— Ай-да, атаманъ! Ай-да, атаманъ! — радостно воскликнули разбойники, удивляясь смѣлкѣ и ситѣ Ермака, — съ такимъ атаманомъ можно будетъ дѣла дѣлать.

— Да, кричалъ Ермакъ, — только дѣлать можно будетъ дѣлать, когда вы во всемъ будете слушать меня и во всемъ повиноваться.

— Да мы и такъ покинуемся тебѣ, атаманъ.

— Еще бы вы вздумали мнѣ не повиноваться. Тогда занѣмъ же вы меня и выбрали

атаманомъ. А еще вотъ что скажу: вамъ мало только повиноваться мнѣ, но не надо также и приставать ко мнѣ съ разными глупыми просьбами, но сразу же молчать, если я не соглашаюсь на просьбу.

— Не будемъ, атаманъ. Другой разъ не будемъ.

— Такъ и знайте на будущее время,—заключилъ Ермакъ свой устный договоръ съ разбойниками его шайки.

— А теперь,—продолжалъ Ермакъ,—гайда скорѣе на это судно, посмотримъ, что за добычу послала намъ матушка Волга, да и подѣлимъ по братски этотъ подарокъ.

Разбойники дружно съ веселыми криками кинулись въ недалеко отстоящіе отъ нихъ прибрежные камыши и вскорѣ вытащили оттуда спрятанные тамъ незамѣтно для незнакомаго глаза челны.

Сѣвъ на вытащенные ими челны, они скоро подъѣхали къ забранному ихъ атаманомъ судну, и не прошло и получаса съ тѣхъ поръ какъ они удалились съ берега, какъ судно уже находилось вполнѣ въ ихъ рукахъ. Они перевернули на суднѣ все вверхъ дномъ; всѣ товары были вытащены на верхъ судна и раскиданы въ безпорядкѣ. Разбойники подъ предводительствомъ своего атамана производили дѣлежку.

Добыча оказалась дѣйствительно, какъ и предсказывалъ Ермакъ, очень богатой и

крики восторга и похвалъ атаману раздавались по всему судну.

Но вотъ, Одноглазый, продолжая рыскать повсюду на суднѣ, вдругъ открылъ что-то особо пріятное, такъ какъ на лицѣ его появилась радостная улыбка, съ которой онъ поспѣшилъ къ сидящему среди разбойниковъ Ермаку.

— Атаманъ, закричалъ Одноглазый, еще не доходя совсѣмъ до Ермака, атаманъ, а какую славную находку нашелъ я.

— Что такое ты тамъ еще отыскалъ, Одноглазый бестія, говори скорѣе, — спросилъ разбойника Ермакъ.

— Да, находка моя недурна, атаманъ, я отыскалъ въ одномъ укромномъ уголочкѣ боченковъ съ пятокъ, и въ нихъ должно быть очень недурное винцо.

— Такъ тащите, ребята, сюда находку Одноглазаго, мы испробуемъ, вѣрно ли онъ догадывается, что тамъ недурное вино! — крикнулъ Ермакъ.

Мигомъ были вытащены боченки и началась попойка. Разбойники пили, пѣли, ссорились и, наконецъ, поставивъ часовыхъ на суднѣ, улеглись спать кто гдѣ попало и вскорѣ всѣ захрапѣли.

Часовые были почти такъ же пьяны, какъ и остальные разбойники, къ тому же они знали, что имъ едва ли угрожаетъ какая-

нибудь опасность, а потому они очень скоро безпечно задремали.

Но не дремали купцы, у которыхъ было отнято судно. Послѣ того какъ они по приказанію Ермака переправились на противоположный отъ него берегъ, они пошли берегомъ внизъ рѣки, такъ какъ знали, что имъ должны попасться еще два судна, которыя стояли вмѣстѣ съ ними на ближайшей пристани и собирались выйти изъ этой пристани въ непродолжительное время.

Дѣйствительно, пройдя нѣсколько верстъ, ограбленные купцы встрѣтились съ этими двумя суднами и знаками, а также криками стали просить судна остановиться. Когда къ ограбленнымъ купцамъ была выслана лодка, то они тотчасъ же разсказали о томъ, какимъ образомъ они были ограблены и какъ лишились своего судна.

Наглость и дерзость Ермака возмутили всѣхъ и всѣ порѣшили отомстить разбойникамъ и возвратить отнятое судно ограбленнымъ купцамъ.

Тотчасъ же купцы собрали между собою нѣчто въ родѣ военнаго совѣта, на которомъ и было постановлено, что бы остановились выждать наступленія темной ночи, а затѣмъ, собравшись всѣмъ вмѣстѣ, подплыть осторожно къ разбойникамъ и напасть на нихъ врасплохъ.

Такъ и поступили собравшіеся напасть на

разбойниковъ купцы и стали поджидать темной ночки.

Стемнѣло, и купцы на легкихъ лодкахъ стали подъѣзжать къ тому судну, на которомъ спали полупьяные и совершенно пьяные разбойники ничего и не подозрѣвавшіе о той опасности, которая имъ угрожаетъ, а менѣе всего, кажется, подозрѣвали объ этой опасности тѣ разбойники, которые были поставлены своими товарищами, какъ караульные, они спали чуть ли не крѣпче своихъ товарищей.

Тихо, тихо подобрались купцы на своихъ легкихъ лодкахъ къ разбойникамъ и совершенно безшумно взобрались на судно приготовились къ нападенію.

— Кто это? Кого лѣшій несетъ? Кто тутъ пихается? — спросонокъ начали они спрашивать трое караульныхъ разбойниковъ, не подумая, кто находится около нихъ. Но эти трое небрежныхъ караульщиковъ тотчасъ же поплатились за свою небрежность, въ одинъ мигъ они пали подъ ударами купцовъ и ихъ приказчиковъ, не издавъ при этомъ ни единаго звука.

Вслѣдъ за этими тремя караульными разбойниками, купцы убили еще нѣсколько сонныхъ разбойниковъ и производили всѣ свои дѣйствія съ такою осторожностью, что на судѣ не было замѣтно никакого волненія.

Но вотъ Иванъ Кольцо, бывшій трезвѣе своихъ новыхъ товарищей, проснулся; вмѣстѣ съ нимъ проснулся и Ермакъ, спавшій съ нимъ рядомъ.

— Атаманъ! Атаманъ!—шепотомъ сказалъ Иванъ Кольцо своему новому атаману, вѣдь у насъ на суднѣ что то неладно.

— И правда неладно! — также шепотомъ отвѣчалъ Ермакъ Ивану.— Ты, Иванъ, какъ только я крикну, то бросайся вмѣстѣ со мною на носъ: я слышу что кто-то ходитъ на носу судна. Мы кинемся туда первыми, такъ ты гляди въ оба; а тамъ съ ними кинуться и другіе товарищи: Вставай!—громко крикнулъ Ермакъ и вмѣстѣ съ Иваномъ врѣзался въ толпу купцовъ, которые будучи обмануты тишиною, господствовавшей на суднѣ, никакъ не могли ожидать здѣсь внезапнаго нападенія на нихъ и потому сразу же нѣсколько опѣшили.

— Бей ихъ ребята!—кричалъ между тѣмъ Ермакъ; а разбойники, разбужденные его первымъ крикомъ, уже напали на купцовъ и ихъ приказчиковъ.

На суднѣ началась ожесточенная схватка, и разбойники, предводительствуемыя Ермакомъ и рука объ руку идущимъ съ нимъ Иваномъ, стали повсюду тѣснить купцовъ.

Но вотъ зоркій взглядъ Ермака замѣтилъ, что въ одномъ мѣстѣ начинаютъ подаваться разбойники, на которыхъ подъ предводитель-

ствомъ одного молодого купца начинала сильно напирать кучка дородныхъ дюжихъ приказчиковъ.

— Не выдавай, ребята, не выдавай,—закричалъ Ермакъ и съ поднятымъ бердышемъ кинулся къ этой кучкѣ. Но второпяхъ и въ темнотѣ онъ совершенно не замѣтилъ, какъ наткнулся на какой-то трупъ, попавшійся ему подъ ноги: споткнувшись Ермакъ упалъ и на него тотчасъ же налетѣлъ тотъ молодой купецъ, который предводительствовалъ приказчиками. Казалось, не только минуты, но и секунды жизни Ермака были сочтены, но вѣрно судьба хранила его для тѣхъ важныхъ подвиговъ, которые суждено было ему совершить впослѣдствіи.

Иванъ Кольцо, отбиваясь отъ нападавшихъ на него купцовъ, въ тоже время глазъ не спускалъ съ своего атамана и тотчасъ же замѣтилъ опасность и стремительно накинулся на молодого купца, уже готовившагося было поразить Ермака. Одинъ взмахъ кистеня Ивана Кольца и удалый молодецъ купецъ лежалъ съ раздробленной головой, Ермакъ быстро вскочилъ на ноги и, поблагодаривъ взглядомъ своего избавителя отъ смерти, бросился опять къ той кучкѣ разбойниковъ, которая начала было отступать.

— Куда вы, куда вы?—кричалъ Ермакъ, размахивая своимъ бердышемъ, подъ ука-

рами котораго такъ и падали его противники.

Вскорѣ оказалось, что побѣда была вполнѣ на сторонѣ разбойниковъ, хотя они поплатились жестоко за свою небрежность, такъ какъ очень многіе изъ нихъ были убиты. Съ наступленіемъ утра Ермакъ приказалъ разбойникамъ садиться на свои струги и плыть по Волгѣ; оставшееся же было по его приказанію потоплено. До полудня плыли разбойники, съ наступленіемъ же полудня Ермакъ приказалъ причаливать къ берегу.

— Причаливай, ребята, причаливай. Пора обѣдать, да кстати надо будетъ и подумать кое о чемъ.

Причалили къ берегу, разложили костры для приготовленія обѣда, а затѣмъ Ермакъ обратился ко всѣмъ разбойникамъ со слѣдующими словами:

— Не везетъ намъ, братцы, что-то въ послѣднее время! Перво-на-перво полегло много изъ нашихъ при вашемъ глупомъ нападеніи на боярскій обозъ, а потомъ не менѣе того легло изъ нашихъ, когда напали на насъ въ эту ночь купцы съ своими приказчиками. А что всего главнѣе, такъ это то, что потеряли, есаула Лѣвшу: трудно намъ теперь замѣнить его кѣмъ-нибудь да надо! Сказывайте же теперь, кого вы думаете выбрать, какого желаете вы, чтобы былъ вашимъ есаломъ! Среди разбойниковъ произошло нѣ-

которое движеніе, однако никто изъ нихъ не рѣшался говорить первымъ: всѣ они молчали и, переминаясь, поглядывали другъ на друга.

— Говорите же! — вновь спросилъ Ермакъ, — кто любъ вамъ и кого вы думаете выбрать.

— Одноглазаго бы! сказалъ нерѣшительно кто-то.

— Одноглазаго! Одноглазаго! — загудѣли въ толпѣ.

Надо замѣтить, что такое избраніе было очень не по душѣ Ермаку, но онъ по закону шайки не могъ ему противиться. А избраніе было нежелательно для Ермака по двумъ причинамъ: во-первыхъ, онъ не долюбливалъ за что-то Одноглазаго, а во вторыхъ, ему сильно понравился Иванъ Кольцо, и потому онъ и желалъ, чтобы есауломъ былъ же Кольцо.

Ермакъ рѣшился убѣдить шайку въ томъ, что выборъ ея неосноваленъ.

— По мнѣ, братцы, все равно, началъ говорить Ермакъ, когда волненіе въ шайкѣ нѣсколько стихло, — если вы хотите, чтобы есауломъ вашимъ былъ Одноглазый, то пусть онъ и будетъ есауломъ. Только подумайте кого вы выбираете? Одноглазый въ другое время былъ бы подходящимъ есауломъ, такъ какъ онъ парень славный и на свою руку охулки не положитъ, но какъ онъ теперь-то годенъ? сами объ этомъ подумайте. Въ

схваткѣ съ боярскимъ обозомъ его порядкомъ таки поцарапали въ спину, а купцы исполосовали ему руку. Такъ годится ли больной намъ въ есаулы? Непригоже, чтобы человѣкъ увѣчный предводительствовалъ такими молодцами! Подумайте, не выбрать-ли намъ кого нибудь другого!

— Жалко. Одноглазый-то былъ бы есауломъ хоть куда,—послышалось въ толпѣ разбойниковъ. Вѣстимо, жалко.

— И догадала его нелегкая подвернуться.

— Да, что-жъ ребята,—заревѣлъ густымъ басомъ одинъ коряный разбойникъ,—жалѣй не жалѣй, а выбирать намъ его теперь не приходится, такъ надо подумать о томъ, чтобы выбрать кого-нибудь другого.

— Надо другого,—подхватилъ кто то.

— Другого, другого,—раздалось въ толпѣ.

— Кого-же другого-то,—спросилъ Ермакъ.

И разбойники опять стали переминаясь смотрѣть другъ на друга и опять никто изъ нихъ не рѣшался говорить первымъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ втайнѣ лелѣяли мысль, что ихъ самихъ выберутъ въ есаулы: а потому они и помалкивали.

— Что же вы, братцы призадумались,—обратился къ нимъ Ермакъ,—коли вамъ это такъ трудно, то не хотите ли послушать о томъ, что я вамъ скажу на это.

— Говори, атаманъ, послушаемъ.

Я вамъ на это скажу вотъ что: вотъ всѣ вы были за то, чтобы выбрать Одноглазаго,

потому что онъ и впрямь поудалѣе, а потому и спору тогда никакого быть не могло бы. А теперь вы почему призадумались? Потому что спора боитесь; я знаю, что многіе изъ васъ не прочь были бы и сами быть есауломъ. Такъ хотите я сдѣлаю такъ, что никакого спора между вами не будетъ.

— Какъ не хотѣть. Вѣстимо, атаманъ, что безъ спора да ладкомъ-то будетъ не въ примѣръ лучше.

— Ну, такъ слушайте-же: любите вы меня?

— Любимъ, атаманъ, любимъ!

— Тогда отчего вамъ не выбрать есауломъ нашего новаго товарища Ивана Кольцо; правда, что онъ только что пришелъ къ намъ. Такъ что изъ этого? Вѣдь ранѣе онъ и самъ атаманствовалъ, а потомъ, кабы не онъ, то меня бы вы теперь и не увидали; вѣдь онъ спасъ меня отъ вѣрной смерти. Такъ хотите ли вы, что бы вашимъ новымъ есауломъ былъ Иванъ Кольцо?

Разбойники молчали, видимо, что [illegible] было очень зазорно и обидно то, что [illegible] будутъ имѣть есаула человѣка, чол[illegible] что вступившаго въ шайку.

— Что же вы помалкиваете?—спрашивалъ между тѣмъ Ермакъ,—если согласны, то выбирайте, мы сейчасъ же и стрыснемъ новаго есаула; у меня тутъ недалеко въ одномъ укромномъ мѣстечкѣ спрятанъ про запасъ на всякій случай боченокъ добраго вина. Ну, такъ говорите, хотите ли вы Ивана въ есаулы?

— Хотимъ! хотимъ! — закричали разбойники, подстрекаемые надеждою на скорую выпивку, тѣмъ болѣе, что головы ихъ трещали съ похмелья послѣ вчерашней выпивки, на купеческомъ суднѣ.

— Такъ стало быть есауломъ Ивану Кольцу, — спрашивалъ Ермакъ у разбойниковъ.

— Ему, ему быть есауломъ.

— Ивану быть есауломъ.

— Кольцу быть есауломъ. Раздались со всѣхъ сторонъ крики разбойниковъ.

Ермакъ далъ утихнуть этимъ крикамъ и потомъ, обратившись ко всѣмъ, громко и по возможности торжественно произнесъ:

— А коли вы всѣ братцы хотите, чтобы вашимъ есауломъ былъ Иванъ Кольцо, такъ пусть же онъ и будетъ вашимъ есауломъ. Теперь же пойдемте двое изъ васъ со мною въ то укромное мѣстечко, о которомъ я вамъ говорилъ, и я прикажу вамъ выкатить боченокъ. Спрыскивайте новаго есаула.

Скоро разбойники сидѣли около выкаченнаго для нихъ боченка и снова раздались, оглашая окрестности, веселыя разгульныя пѣсни разбойниковъ, которые въ вино, должно быть, хотѣли заглушить воспоминанія о своемъ прошломъ, а можетъ быть и голосъ совѣсти, хоть иногда все-таки просыпающійся, хотя у нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Конецъ первой части.

Часть II-я.

ГЛАВА V.

Грозный царь.

Вновь избранный есаулъ очень скоро оправдалъ довѣріе, которое возлагалъ на него атаманъ Ермакъ. Онъ принималъ участіе во всѣхъ грабежахъ и разбояхъ, производимыхъ шайкою, всегда былъ впереди прочихъ разбойниковъ, идя рука объ руку съ атаманомъ и удивляя даже и отчаянныхъ разбойниковъ своею отвагою и смѣлостью.

Довѣріе Ермака къ Ивану Кольцо росло все болѣе и болѣе и онъ, наконецъ, когда шайка увеличилась значительно, получилъ отъ Ермака подъ свое начальство отдѣльный отрядъ разбойниковъ, съ которымъ и сталъ уже болѣе самостоятельно грабить караваны судовъ, идущіе по Волгѣ.

Извѣстность есаула Кольцо скоро до того распространилась въ тѣхъ краяхъ, что молва объ его злодѣйскихъ подвигахъ дошла до Москвы, откуда были высылаемы неодно-

DAMAGED PAGE(S)

кратно отряды войскъ для поимки столь вреднаго преступника.

Но Ивану Кольцо всегда удавалось избѣгать высылаемыхъ для его поимки отрядовъ царскихъ войскъ; однако преслѣдованія Ивана Кольцо не прекращались и чѣмъ чаще онъ увертывался отъ рукъ правительства и правосудія, тѣмъ эти преслѣдованія становились сильнѣе и дѣятельнѣе.

Такъ что Иванъ Кольцо, видя, что ему уже совершенно немыслимо скрываться на берегахъ Волги, принужденъ былъ скрыться изъ тѣхъ краевъ, гдѣ пребываніе его ознаменовалось столь многими злодѣяніями.

Недолго думалъ Иванъ Кольцо о томъ, куда бы ему скрыться отъ преслѣдованія представителей правосудія и выбралъ не какое-нибудь отдаленное и укромное мѣсто, а поселился въ дремучихъ лѣсахъ, находящихся чуть ли не подъ самою Москвою.

Въ новыхъ мѣстахъ Иванъ Кольцо также набралъ себѣ порядочную шайку разбойниковъ и началъ здѣсь творить такіе же злодѣйскіе подвиги, какими ознаменовалъ свое пребываніе на берегахъ Волги. Но не долго пришлось имѣть свое мѣстопребываніе Ивану Кольцо около Москвы, вскорѣ обстоятельства заставили его изо[illegible]ать мѣстомъ своего жительства и своихъ [illegible]двиговъ окрестности Александровской слободы, нахо-

дящейся также не слишкомъ далеко отъ Москвы по Владимірской дорогѣ.

Для того же, чтобы яснѣе понять обстоятельства, заставившія Ивана Кольцо перемѣнить мѣсто своего пребыванія и избрать послѣднимъ окрестности Александровской слободы, мы должны будемъ сказать нѣсколько словъ о томъ, что творилось тогда на Руси вообще, а въ Москвѣ и въ Александровской слободѣ въ частности.

На Руси въ то время царствовалъ царь Іоаннъ Васильевичъ, прозванный впослѣдствіи Грознымъ.

Очень замѣчательны какъ судьба самого царя, такъ и исторія его царствованія.

Царь Іоаннъ Васильевичъ остался послѣ смерти родителя своего Василія Іоанновича трехлѣтнимъ ребенкомъ на попеченіи своей родительницы и бояръ. За малолѣтствомъ Іоанна Васильевича дѣлами управленія государствомъ стала вѣдать боярская дума. Хотя и вдовая царица также считалась во главѣ правленія, но она именно только считалась во главѣ правленія на самомъ же дѣлѣ имѣла очень мало вліянія на дѣла государственныя.

Да и что же могла сдѣлать одна женщина противъ цѣлой боярской думы, составленной изъ такихъ бояръ, изъ которыхъ многіе сами мечтали не столько о благосостояніи государства, сколько о собственномъ обогаще-

ніи и объ удовлетвореніи собственныхъ честолюбивыхъ замысловъ.

Въ боярской думѣ не было того единодушія, которое было бы столь желательно въ интересахъ государства. Большинство членовъ этой думы заботились только о томъ, чтобы составить партіи своихъ приверженцевъ и единомышленниковъ и благодаря такой партіи пріобрѣсть первенствующее значеніе.

Но пока была жива царица, то она все-таки хотя считалась во главѣ правленія государствомъ. Вдругъ царица умерла совершенно неожиданно и безпорядки въ боярской думѣ усилились; первенство и предсѣдательство въ думѣ стало переходить изъ рукъ одного боярина въ руки другого, причемъ бояре не пренебрегали никакими средствами, чтобы повредить другъ другу. А вмѣстѣ со смертію вдовы царицы на боярской думѣ, кромѣ заботъ о внутреннемъ и внѣшнемъ благосостояніи отечества легла также забота о воспитаніи молодого царя. Великое дѣло—воспитаніе наслѣдника престола и великую, священную отвѣтственную обязанность принимаютъ на себя люди, которымъ ввѣряется это воспитаніе царственныхъ отроковъ.

Но могла ли быть хорошимъ воспитателемъ Іоанна боярская дума? Могла ли она достойно исправлять свои священныя обязанности?

Конечно, нѣтъ; такъ какъ при исполненіи какихъ бы то ни было священныхъ обязанностей уже нѣтъ никакого мѣста заботамъ о собственныхъ выгодахъ. А отсутствіемъ-то такихъ заботъ и не могла похвалиться боярская дума! Напротивъ, подобныя заботы совершенно овладѣли ею.

Заботясь только о своихъ выгодахъ и о своемъ тщеславіи, бояре нисколько не заботились о воспитаніи и образованіи царевича.

И хорошо бы было, если бы бояре вовсе не обращали вниманія на царственнаго отрока; тогда онъ, предоставленный самому себя, сохранилъ бы лишь тѣ добрыя свойства своей души и своего характера, которыя онъ имѣлъ наслѣдственно и, конечно, не пріобрѣлъ бы никакихъ дурныхъ наклонностей!

Но бояре не оставляли совсѣмъ безъ вниманія своего царственнаго воспитанника, только каково же было это вниманіе и въ чемъ оно преимущественно выражалось? Вниманіе это выражалось въ развитіи дурныхъ сторонъ характера Іоаннова и въ приученіи его къ разнымъ дурнымъ наклонностямъ и особенно къ жестокосердію. Бояре не только не останавливали Іоанна отъ разныхъ дурныхъ привычекъ, но еще потакали этому развитію, говоря, ничего! [illegible]го! пусть царевичъ дѣлаетъ что ему угодно, лишь бы онъ и тѣшился и забавлялся.

Въ подобныхъ утѣхахъ и забавахъ, иногда вовсе недостойныхъ будущаго вѣнценосца, прошла благодаря безрасуднымъ боярамъ вся молодость Іоанна.

Но вотъ случилось одно несчастье: былъ громадный пожаръ Москвы, и видъ народнаго бѣдствія пробудилъ въ молодомъ Іоаннѣ добрыя стороны его характера, усыпленныя было воспитаніемъ, полученнымъ Іоанномъ отъ бояръ. Къ этому же времени относится счастливый бракъ царя на прекрасной, мудрой и доброй Анастасіи Романовой и приближеніе ко двору Іоаннову двухъ такихъ мужей, имена которыхъ навсегда должны остаться въ памяти истинно-русскихъ, мужи это были—нѣкто Адашевъ и протоіерей Благовѣщенскаго собора о. Сильверстъ. Іоаннъ окруженный своею добродѣтельною супругою и такими добрыми и мудрыми совѣтниками, какими были Сильверстъ и Адашевъ, представлялъ примѣръ счастливѣйшаго владѣтеля, источавшаго счастье и благодѣянія для своихъ подданныхъ и бывшаго грозою для внѣшнихъ враговъ отечества.

Но къ несчастію не слишкомъ продолжительно было время такого счастливаго царствованія. Умерла прекрасная и душою и тѣломъ Анастасія и были устранены отъ двора оба мудрыхъ совѣтника, Адашевъ и Сильверстъ.

Опять начались было происки бояръ и Іоаннъ, помня боярскія происки и коварство, видѣнныя имъ еще въ юности, сталъ опасаться измѣны и началъ употреблять по отношенію къ боярамъ мѣры жестокости.

Мнительность Іоанна и подозрѣнія его въ возможности существованія измѣны становились все сильнѣе и онъ придумалъ оградить себя особымъ отрядомъ, набраннымъ изъ людей разнаго званія. Люди, принадлежавшіе къ этому отряду, назывались опричниками или кромѣшниками (отъ словъ опричь, кромѣ), все же то, что не принадлежало къ опричинѣ, называлось „земщиной".

Однажды москвичи съ грустью замѣтили, что государь покидаетъ столицу и окруженный своими опричниками куда-то уѣзжаетъ.

Куда ѣдетъ государь, вотъ былъ вопросъ, который волновалъ всѣхъ, начиная отъ перваго боярина и кончая послѣднимъ нищимъ.

Вскорѣ однако объяснилось, что государь съ своимъ дворомъ уѣхалъ на жительство въ Александровскую слободу, находящуюся по Владимірской дорогѣ за Троице-Сергіевской лаврою.

Конечно, вмѣстѣ съ пріѣздомъ государя слобода совершенно ожила и въ ней появилась такая жизнь и такое движеніе, какого никто ранѣе и подозрѣвать не могъ. По дорогѣ изъ Москвы въ Александровскую слободу потянулись многочисленные обозы,

съ разными припасами, а также и вереницы людей разнаго званія, изъ которыхъ нѣкоторые ѣхали въ слободу ради наживы, а нѣкоторые по служебнымъ дѣламъ и по вызову государя. Около дорогъ, прилегающихъ къ Александровской слободѣ, было чѣмъ поживиться различнымъ темнымъ личностямъ: ворамъ и разбойникамъ, а потому и Иванъ Кольцо вмѣстѣ съ своею шайкою перекочевалъ изъ окрестностей Москвы въ окрестности Александровской слободы. Но Кольцо конечно и на новыхъ мѣстахъ боялся того преслѣдованія, какое было открыто за нимъ на берегахъ Волги, а потому никто изъ его шайки не зналъ, что атаманомъ шайки извѣстный Иванъ Кольцо, а всѣ называли его Иваномъ Перстнемъ. Подъ именемъ Ивана Перстня и разбойничалъ Иванъ Кольцо въ окрестностяхъ Александровской слободы въ то время, какъ не прекращались еще за нимъ поиски на берегахъ Волги.

ГЛАВА VI.

Плѣнъ и освобожденіе.

Опричники, или кромѣшники совсѣмъ не оправдали тѣхъ надеждъ, которыя возлагалъ на нихъ Іоаннъ при учрежденіи опричнины.

Главною обязанностью опричниковъ по желанію Іоанна было рвать враговъ царскихъ и выметать измѣну изъ земли русской, почему опричники, какъ отличительные знаки своего достоинства, имѣли привязанными къ сѣдлу собачью морду (это значило—рвать враговъ) и метлу (это значило—выметать измѣну). Однако опричники, пользуясь очень большимъ довѣріемъ со стороны государя, очень часто злоупотребляли этимъ довѣріемъ и употребляли во зло ту власть и тѣ права, которыя имъ были даны государемъ. Вмѣстѣ съ истинными врагами государственнаго спокойствія опричники часто нападали на совсѣмъ невинныхъ людей и мирныхъ гражданъ. Но надо все-таки отдать справедливость опричникамъ въ томъ, что они не оставляли безъ преслѣдованія и враговъ общественнаго порядка и общественной безопасности, такъ напримѣръ, они

часто нападали на разбойничьи шайки и не было пощады тѣмъ изъ разбойниковъ, которые попадались въ руки опричниковъ, такъ что разбойники тоже не упускали случая напасть на опричниковъ, особенно когда послѣдніе попадались имъ въ одиночку или малыми партіями.

Не пришлось избѣгнуть столкновеній съ опричниками и шайкѣ Ивана Перстня или Ивана Кольцо.

Шайка Ивана Перстня засѣла въ дремучемъ лѣсу подъ Москвою и ждала не извѣстятъ ли ее караульщики о появленіи на ближайшей дорогѣ какого нибудь обоза или отряда опричниковъ.

Долго ждала шайка извѣстій отъ своихъ караульщиковъ и лазутчиковъ и, наконецъ, начала выходить изъ терпѣнія не получая никакихъ свѣдѣній.

— Что за чортъ! — ворчалъ Иванъ Перстень мы сидимъ тутъ болѣе сутокъ, такъ неужели же никто не проходилъ и не проѣзжалъ по дорогѣ?!

— Ужъ не уснули ли наши караульщики! — со злобою замѣтилъ есаулъ шайки прозванный Коршуномъ.

Дядя Коршунъ былъ старый, закоренѣлый разбойникъ; онъ былъ очень высокъ ростомъ и сухопаръ, на лбу же и на лицѣ имѣлъ многочисленныя шрамы, признаки того, что ему неоднократно приходилось побывать въ различныхъ передѣлкахъ и схваткахъ. Харак-

тера дядя Коршунъ былъ очень крутого, но не смотря на это, разбойники не только уважали, но и любили его. Разбойники слушали бесѣду своего атамана и есаула и также очень удивлялись отсутствію какихъ нибудь извѣстій со стороны посланныхъ ими лазутчиковъ.

— И гдѣ они запропали?

— И впрямь не уснули ли, какъ дядя Коршунъ говоритъ.

— Ужъ не попали ли опричникамъ?

Такіе возгласы то и дѣло раздавались въ различныхъ кучкахъ разбойниковъ.

— А вотъ что, дядя Коршунъ, сказалъ, наконецъ, атаманъ Иванъ Перстень, не отправиться ли намъ самимъ посмотрѣть, что дѣлаютъ наши молодцы; можетъ быть и на самомъ дѣлѣ уснули?

— А и то правда, атаманъ, поѣдемъ-ка мы съ тобою и поглядимъ, что они дѣлаютъ.

Атаманъ и есаулъ хотѣли было сѣсть на лошадей, такъ какъ нѣсколько такихъ всегда было въ запасѣ у разбойниковъ, но потомъ передумали.

— А не лучше ли будетъ, атаманъ, намъ итти пѣшимъ?—спросилъ дядя Коршунъ.

— Ну, коли ты думаешь, что пѣшимъ итти намъ будетъ удобнѣе, то пойдемъ и пѣшкомъ, — согласился Иванъ Перстень съ Коршуномъ.

И Перстень съ Коршуномъ отправились.

Долго они ходко шли по глухимъ лѣснымъ тропинкамъ, которыя были хорошо извѣстны имъ, и которыя трудно было различить для неопытнаго глаза.

Скоро они вышли на лѣсную опушку, за которой уже открывалась большая проѣзжая дорога.

— Перстень съ Коршуномъ вышли на дорогу и хотѣли было дорогою пойти къ тому мѣсту лѣсной опушки, гдѣ были спрятаны ихъ товарищи лазутчики, но не успѣли они пройти и нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ сзади ихъ, какъ изъ земли выросъ и налетѣлъ на нихъ цѣлый отрядъ опричниковъ, сразу же окружившихъ ихъ.

— Держи ихъ. Держи.

Кричалъ предводитель опричническаго отряда молодой, красиво одѣтый и богато вооруженный опричникъ, обращаясь къ другимъ.

— Да хватай ихъ живьемъ, командовалъ начальникъ опричниковъ, сдается мнѣ, что это птицы важныя; надо сна[illegible] допросить да попытать ихъ, а потомъ ужъ и наградить ихъ веревочной петлей.

Опричники захвативъ свою добычу продолжали дальнѣйшій путь и скоро стали подъѣзжать къ какой то деревенькѣ, изъ которой до слуха опричниковъ долетали звуки хороводныхъ пѣсенъ.

— А вѣдь это деревенька опальнаго, бая-

рина Морозова,—сказалъ одинъ изъ опричниковъ, обращаясь къ своему начальнику, — не заѣхать ли намъ туда: пусть наши молодцы немного потѣшатся.

— Отчего же не заѣхать?! Валяй, слышишь—тамъ хороводы, такъ прямо на хороводы и наѣзжай!

Опричники погнали своихъ лошадей и на всѣхъ рысяхъ въѣхали въ деревню.

Какъ испуганное стадо разбѣжались во всѣ стороны парни и дѣвушки, водившіе хороводъ, какъ только увидали въѣхавшихъ въ деревню опричниковъ.

— Эй, эй! Лови! Держи ихъ! — кричали опричники, съ гикомъ и крикомъ мчась по деревнѣ.

Но уже никого изъ молодежи не видать было въ деревнѣ: вся молодежь попряталась, куда могла, такъ какъ вполнѣ хорошо понимала, что отъ опричниковъ кромѣ одного худого ожидать нечего.

— Эй, кричалъ начальникъ опричниковъ на одного старика, — говори скорѣе, куда подѣвались ваши дѣвки и парни?

— Не знаю, родимый, не знаю! Мнѣ почемъ же знать про это!—отвѣчалъ оторопѣвшій старикъ.

— Ага ты не знаешь? Ну, такъ, ребята, накиньте-ка этому старику петлю на шею.

Старикъ бросился было на колѣни, но подбѣжавшіе опричники уже схватили и поволокли его.

— Стой. Что вы за люди? — раздался вдругъ чей-то голосъ.—Ребята, проучите ка этихъ негодяевъ, чтобы они впередъ не смѣли нападать на мирныхъ и беззащитныхъ крестьянъ.

Изумленные опричники оглянулись и увидали сзади себя молодого, красиваго боярина окруженнаго многочисленной челядью.

Это былъ князь Серебряный, который возвращался изъ Литвы, гдѣ онъ долго былъ, исправляя различныя царскія порученія. Князь Серебряный ничего не зналъ о томъ, что теперь учреждена царемъ опричнина, а потому и принялъ опричниковъ за простыхъ разбойниковъ.

— Ребята, — кричалъ князь Серебряный своимъ слугамъ,—привяжите-ка этихъ негодяевъ, да угостите ихъ поизряднѣе плетями.

— Да кто ты такой, что осмѣливаешься такъ поступать съ царскими людьми?—спрашивалъ князя пришедшій нѣсколько въ себя начальникъ опричниковъ.

— Царскіе люди.—Хороши царскіе люди, что позволяютъ себѣ нападать на деревни,— отвѣчалъ князь и тутъ же повторилъ своимъ слугамъ приказаніе, чтобы они отодрали опричниковъ плетьми; а потомъ, замѣтивъ Перстня и Коршуна, привязанныхъ къ

сѣдламъ и принявъ ихъ также за несчастныхъ и обиженныхъ, князь крикнулъ своимъ слугамъ.

— А этихъ поскорѣе развяжите и освободите.

Перстень и Коршунъ тотчасъ же были освобождены и вздохнули свободно, почувствовавъ, что они теперь, благодаря такой счастливой неожиданности, уже не рискуютъ болтаться на висѣлицѣ.

— Спасибо тебѣ, князь, — сказалъ Перстень, подходя къ князю Серебрянному и низко ему кланяясь, большое тебѣ спасибо за то, что ты избавилъ насъ отъ вѣрной смерти. Во вѣкъ мы съ товарищемъ не забудемъ этого и если когда-нибудь намъ будетъ случай помочь тебѣ, то мы поможемъ тебѣ непремѣнно. А если тебѣ надо будетъ найти меня, то вотъ за этимъ лѣсомъ есть мельница, а на ней живетъ старикъ мельникъ Антипычъ, такъ ты спроси только у него, какъ найти Ванюху Перстня. Спасибо, князь, прощай, счастливаго вамъ пути.

Съ этими словами Перстень, а вмѣстѣ съ нимъ и Коршунъ отправились къ оставленной имъ шайкѣ, которая считала ихъ вполнѣ пропавшими.

ГЛАВА VII.

Въ царской опочивальнѣ.

Скоро Перстень и Коршунъ воротились къ шайкѣ своихъ товарищей и начали заниматься прежнимъ промысломъ. Они попрежнему грабили проѣзжихъ и попрежнему также не упускали удобнаго случая напасть на опричниковъ.

Перстень въ послѣднее время началъ сильно задумываться: ему надоѣло скитаніе подъ Москвою и не особенно нравились его новые товарищи, его сильно тянуло опять туда, откуда онъ скрылся и онъ началъ думать о томъ, какъ бы пробраться на матушку-Волгу и повидать своего атамана Ермака Тимофеевича.

Перстень отъ всей души полюбилъ своего атамана, и только одна необходимость заставила его разлучиться съ нимъ. Все нравилось въ Ермакѣ Перстню: и отвага, и храбрость, и даже самая наружность Ермака. Любимою мечтою Перстня теперь было вновь вернуться въ шайку Ермака, гдѣ онъ готовъ былъ скорѣе быть простымъ разбойникомъ, нежели атаманомъ въ своей шайкѣ. Онъ ни-

кому не повѣрялъ своей мечты, только развѣ съ Коршуномъ разговаривалъ иногда о Волгѣ, такъ какъ этотъ старый разбойникъ въ былые годы много разбойничалъ на Волгѣ.

Короне, уйти самому на Волгу и переманить туда, если можно, Коршуна—вотъ что теперь было любимою мечтою Перстня.

Но обстоятельства заставили Перстня отложить на нѣкоторое время свое намѣреніе.

Однажды онъ вмѣстѣ съ другими разбойниками сидѣлъ въ какой-то полуразвалившейся лѣсной избушкѣ, какъ вдругъ въ дверь избушки раздался легкій стукъ.

— Кто бы это могъ быть,—подумали разбойники. Перстень приказалъ одному изъ разбойниковъ отворить двери.

Дверь отворилась, и въ избушку вошелъ Ангипычъ.

— А мельникъ здорово, — сказалъ Перстень.

— Здорово, Ванюха, здорово. А я—къ тебѣ.

— Сказывай, занѣмъ.

— Помнишь ты того барина, который тебя и есаула Коршуна освободилъ отъ опричниковъ.

— Какъ не помнить.

— Ну, такъ вотъ пріѣхалъ ко мнѣ намедни его старый слуга и говоритъ, что бояринъ этотъ, князь-то Серебряный, поса-

женъ въ тюрьму, въ Александровской слободѣ. Такъ нельзя ли придумать что нибудь, чтобы освободить князя.

— Ты говоришь, въ Александровской слободѣ. А сказывалъ тебѣ его слуга, въ какой тюрьмѣ, вѣдь тамъ теперь тюремъ-то много.

— Слуга его разсказывалъ, что въ главной тюрьмѣ, которой правитъ самъ Малюта Скуратовъ.

— А не узналъ ты о томъ, у кого хранятся ключи отъ этой тюрьмы.

—Какъ же. Я узналъ и про это. Днемъ эти ключи у Малюты Скуратова, а ночью онъ ихъ относитъ къ царю, который и кладетъ ихъ подъ свое изголовье въ опочивальнѣ.

— Трудно. Трудно, — какъ бы про себя проговорилъ Перстень. Да, трудно,—повторилъ онъ, но все-таки во что бы то ни стало надо попытаться освободить князя. Дядя Коршунъ, ты не пойдешь со мною попытаться освободить князя.

— Да ты въ умѣ, атаманъ, или уже совсѣмъ рехнулся?—сердито переспросилъ Коршунъ.—Ну, какъ же мы освободимъ князя, когда ключи отъ тюрьмы днемъ у Малюты въ карманѣ, а ночью у царя подъ изголовьемъ.

— Ну, какъ хочешь, а я пойду, потому что я помню, что князь освободилъ насъ

съ тобою отъ лютыхъ пытокъ и отъ висѣлицы!

— Да и я бы пошелъ, — угрюмо замѣтилъ Коршунъ. — Жизнь бы свою готовъ былъ отдать, только бы спасти князя. А тутъ выходитъ совсѣмъ неподходящее дѣло: свою то жизнь отдашь, а князя все-таки не спасешь.

— Ребята, не пойдетъ ли кто со мной? — спросилъ атаманъ у разбойниковъ.

— Я пойду, атаманъ! — отвѣчалъ одинъ молодой, здоровенный, но съ глупѣйшимъ выраженіемъ лица, разбойникъ по имени Митюха.

Митюха былъ на самомъ дѣлѣ очень здоровый и очень глупый парень, надъ которымъ всѣ смѣялись.

— Ну, такъ собирайся, отправимся вдвоемъ. Я кое-что надумалъ! — торопилъ Перстень Митюху.

— А что же, атаманъ, ты надумалъ? — спросилъ въ нѣкоторомъ раздумьи Коршунъ.

— Вотъ, подойди ко мнѣ, я тебѣ растолкую! — и Перстень отвелъ Коршуна въ дальній уголъ избы, гдѣ что-то долго шепталъ на ухо.

— Такъ тогда, атаманъ, и я пойду — сказалъ Коршунъ, выслушавъ объясненіе Перстня.

Скоро трое разбойниковъ собрались и по-

шли изъ лѣса по направленію къ Александровской слободѣ. Можно было ручаться, что никто даже изъ самыхъ близкихъ и знакомыхъ людей не узналъ бы ихъ, —такъ сумѣли они перерядиться. Перстень и Коршунъ были одѣты въ такія лохмотья, въ какихъ обыкновенно нищіе-слѣпцы ходятъ по деревнямъ; они тоже представляли изъ себя слѣпцовъ, а Митюха былъ какъ бы ихъ поводыремъ. Опасаясь, чтобы Митюха по своей глупости, какъ нибудь не проболтался, атаманъ велѣлъ ему представлять изъ себя нѣмого. Перстень и Коршунъ, водимые за поводки Митюхою уже подходили къ Александровской слободѣ, какъ вдругъ замѣтили, что ѣдетъ съ охоты самъ царь, сопровождаемый боярами и опричниками.

— Надо приготовиться! — сказалъ Перстень Коршуну, завидѣвъ возвращающихся съ охоты. Перстень съ Коршуномъ начали дѣлать пресмѣшные скачки изъ стороны въ сторону и то и дѣло — то падали.

Они достигли своей цѣли: на нихъ дѣйствительно обратили вниманіе опричники и самъ царь; всѣ хохотали надъ ихъ смѣшными прыжками и паденіями.

Царь нарочно подъѣхалъ къ мнимымъ слѣпцамъ.

— Эй, что ты талкаешься, или тебѣ дорога мала? — сказалъ Перстень, нарочно толкаясь о лошадь царя.

— Что ты, дурень, не видишь разве, кто ѣдетъ? — ругнулъ Перстня одинъ изъ бояръ, окружавшихъ царя.

— А ты умнѣ, какъ мой дуракъ Семенъ, — огрызнулся Перстень на боярина, — вѣдь у тебя безъ двухъ глазъ четыре, ты видишь и дальше и шире, такъ вотъ и скажи мнѣ, кто ѣдетъ.

Царь разсмѣялся и сдѣлалъ знакъ своимъ приближеннымъ.

— Кто вы такіе и откуда идете? — спросилъ царь.

— Идемъ мы изъ Мурома; идемъ, да бродимъ, гдѣ что попадется, того пожалуй и съ коня сходимъ.

— Ха-ха-ха! — смѣялись окружающіе царя.

— А давно ли вы ослѣпли — спрашивалъ опять царь.

— Съ малолѣтства еще. Бѣжали мы мимо одного дуба, и въ томъ дубѣ дупло было, какъ вдругъ изъ дупла-то жареными цыплятами запахло, мы поскорѣе и влѣзли въ дупло-то, ѣли, ѣли мы тамъ цыплятъ и наѣлись, раздобрѣли, разстолстѣли тамъ, что изъ дупла-то ужъ вылѣзти и не можемъ. Собрали мы домой, захватили тамъ топоры и давай дупло-то прорубать, прорубили, вылѣзть-то вылѣзли, а пока рубили — мушки намъ въ глаза летѣли — балагурилъ Перстень и мнимые слѣпцы показали видъ, что хотятъ продолжать путь.

— Постойте! Постойте! — крикнулъ имъ царь—скажите мнѣ умѣете ли вы говорить сказки?

— Какъ не умѣть?! На томъ стоимъ, и тѣмъ кормимся.

— Ну такъ приходите въ слободу, идите прямо во дворецъ, и велите, чтобы васъ провели прямо къ царю. Скажите, что царь велѣлъ приходить вамъ туда.

— Ой, батюшки! Ой, свѣты мои!—закричали слѣпые и упали было на колѣни передъ царемъ, но онъ разсмѣявшись, поворотилъ своего коня и отъѣхалъ отъ нихъ.

— Ну, дядя Коршунъ, дѣло сначала мы повели съ тобою толково, надо только умѣло продолжать его, тогда можетъ быть, намъ и удастся освободить князя. Они опять, спотыкаясь пошли за Митюхою и подошли почти что до самой слободы, какъ имъ будто бы невзначай попался одинъ парень; парень этотъ имѣлъ видъ подгулявшаго человѣка и наигрывалъ что-то, подпѣвая, на балалайкѣ.

— Атаманъ, сегодня въ самую полночь слобода загорится въ томъ самомъ мѣстѣ, какъ ты намъ указалъ, — сказалъ мнимый подгулявшій парень, бывшій никто иной, какъ одинъ изъ разбойниковъ шайки Ивана Перстеня.

— Ладно, ждите же меня, и собирайтесь около большого дуба—также отвѣчалъ Пер-

стенъ разбойнику, а въ слухъ громко при-
крикнулъ на него: — что же ты толкаешься,
или спьяну то не видишь, что идутъ убо-
гіе люди?

Стало темнѣть, а мнимые слѣпые давно
уже сидѣли во дворцовыхъ сѣняхъ и ждали
того времени, когда государь прикажетъ по-
звать ихъ къ себѣ въ опочевальню.

Государь же въ это время слушалъ до-
клады Малюты Скуратова о различныхъ
преступникахъ.

Доложить царю о слѣпыхъ пошла его
старая мамка, которую государь очень лю-
билъ и иногда даже позволялъ ей ворчать
на себя.

— Тамъ пришли къ тебѣ слѣпые, сказы-
ваютъ, что ты самъ велѣлъ имъ прійти сю-
да сказывать сказки — сказала мамка, входя
къ государю.

— Да, да, — вспомнилъ государь о слѣ-
пыхъ. Дѣйствительно мнѣ попалися на до-
рогѣ, когда я возвращался съ охоты, двое
очень смѣшныхъ слѣпыхъ, и я велѣлъ имъ
прійти во дворецъ, чтобы послушать ихъ
сказокъ. Пусть войдутъ сюда.

— Ой, смотри, — предупреждала госу-
даря мамка, — сдается, что эти слѣпые очень
подозрительные люди.

— Ну, ну, старая. Ты вѣчно съ своими
подозрѣніями, — шутливо проговорилъ госу-
дарь своей мамкѣ; но самъ, по свойствен-

ному ему самому подозрѣнію, обратилъ большое вниманіе на слова нянькины и какъ только она вышла изъ его опочивальни, чтобы позвать туда слѣпыхъ надѣлъ на себя кольчугу и сказалъ, обращаясь къ бывшему у него Малютѣ Скуратову:

— Малюта, ты побудьки въ сѣняхъ, на всякій случай, вмѣстѣ съ другими опричниками.

Малюта кончилъ свой докладъ государю и отдалъ ему ключи отъ главной темницы, которые государь по обыкновенію положилъ подъ изголовье.

По уходѣ Малюты въ опочивальню государя, вошли и мнимые слѣпые.

Войдя въ опочивальню, они, конечно, низко поклонились государю и стали къ сторонкѣ.

— Ну, говорите же мнѣ, муромскіе слѣпые какія сказки вы умѣете разсказывать,— спросилъ ихъ государь, ложась въ свою постель.

— Разныя, государь-батюшка,— произнесъ Перстень.

— Разныя, великій государь,— повторилъ Коршунъ.

— Какія же разныя-то.

— И про Бову-Королевича, и про Алешу Поповича, и про мудраго царя Давида Евсѣевича...

— Такъ говорите мнѣ про мудраго царя Давида, — сказалъ Іоаннъ.

Перстень началъ разсказывать царю сказку, которую онъ давно уже и неоднократно слышалъ отъ различныхъ слѣпыхъ, а царь показывалъ сначала видъ, что онъ внимательно слушаетъ сказку, потомъ началъ притворяться засыпающимъ и наконецъ притворился вполнѣ спящимъ.

Между тѣмъ Перстень и Коршунъ внимательно слѣдили за царемъ и лишь только замѣтили, что онъ уснулъ, то начали ближе и ближе подходить къ его изголовью, думая похитить нужные имъ ключи отъ главной слободской темницы.

— Это что такое! Ахъ, вы измѣнники.

Царь съ этимъ возгласомъ вскочилъ съ постели и пронзилъ Коршуна въ грудь своимъ жезломъ съ острымъ наконечникомъ,

Перстень, видя, что хитрость ихъ открыта, опасаясь стражи, кинулся къ окну опочивальни, мигомъ разбилъ его и выскочилъ въ большой дворцовый садъ.

— Эй, Малюта, — вскрикнулъ царь.

Тотчасъ же въ опочивальню вошелъ Малюта вмѣстѣ съ опричниками бывшими въ сѣняхъ.

Окровавленному Коршуну стали дѣлать допросъ.

— Ты кто такой? Кто тебя подослалъ въ царскую опочивальню и зачѣмъ осмѣлился

помыслить посягнуть на государево здоровье?—допрашивалъ Коршуна Малюта.

— Кто я? такъ это для тебя все равно,— отвѣчалъ Коршунъ; меня сюда никто не посылалъ, а пришелъ я своею вольною волею, на жизнь государеву я покушаться не хотѣлъ, а хотѣлъ добыть только ключи отъ темницы.

— Увидите его,—грозно приказалъ Іоаннъ— въ застѣнокъ и тамъ пытайте получше, но только, смотрите, сохраните ему жизнь; я самъ подумаю для него такую казнь, какой еще не бывало,

ГЛАВА VIII.

Освобожденіе князя.

Какъ только Перстень выбросился въ окно, то тутъ же нѣкоторые изъ опричниковъ бросились въ садъ, въ который выходило то окно, изъ котораго выбросился Перстень и съ криками: ловите, держите! разсыпались по всѣмъ сторонамъ сада, думая, найти тамъ гдѣ-нибудь бѣглеца; но всѣ поиски опричниковъ были безуспѣшны. Да и напрасно опричники обшаривали садъ во всѣхъ направленіяхъ.

Иванъ Перстень, какъ только выпрыгнулъ изъ окна въ садъ, то въ минуту добѣжалъ до садовой стѣны, отдѣлявшей садъ отъ слободы, и, перепрыгнувъ садовую ограду, очутился уже въ слободѣ. На одномъ концѣ слободы поднималось уже зарево, и Перстень догадался, что его товарищи исполнили данное имъ порученіе и дѣйствительно подожгли слободу, какъ говорилъ имъ онъ.

Первою мыслію Ивана Перстня было подбѣжать къ слободской темницѣ, чтобы увести оттуда Митюху, которому онъ велѣлъ поджидать себя около темницы.

При всеобщей суматохѣ, поднявшейся при звукахъ набата, извѣщавшаго жителей слободы о начавшемся пожарѣ, Перстню не стоило особаго труда или риска добраться до темницы, не обращая на себя ничьего вниманія.

Тамъ онъ, дѣйствительно, увидалъ Митюху, который, несмотря на сумотоху, окружающую его, терпѣливо поджидалъ возвращенія своего атамана.

Иванъ Перстень, конечно и не думалъ теперь объ освобожденіи князя, а потому подбѣгая къ Митюхѣ онъ еще на дорогѣ крикнулъ ему:

— Митюха, бѣги скорѣе на тотъ конецъ слободы къ большому дубу, гдѣ я велѣлъ собраться всѣмъ нашимъ!

— Атаманъ, — проговорилъ Митюха, — а какъ же намъ теперь быть съ княземъ?

— Бѣги скорѣе, дуракъ, до князя ли намъ теперь! — съ сердцемъ сказалъ Перстень.

— А я было и дверь выломалъ!

— Какую дверь ты выломалъ?

— А въ тюрьмѣ-то!

— Другъ милый, хотя ты и дуракъ, а

все-таки я называю тебя милымъ другомъ. Веди же скорѣе меня въ темницу.

Митюха повелъ Перстня въ темницу, главная дверь въ которую, дѣйствительно оказалась выломанною; оставались еще другія двери, но ихъ Митюха выломалъ уже безо всякаго труда. Перстень вошелъ къ князю, который невольно содрогнулся при звукѣ шаговъ; онъ предположилъ, что къ нему идетъ по всей вѣроятности Малюта Скуратовъ для того, что-бы подвергать его новымъ пыткамъ.

— Князь, ты тутъ?—окрикнулъ его Перстень.

— Гдѣ же мнѣ быть. Я тутъ.

— Идемъ же, идемъ скорѣе.

— Прежде скажи мнѣ, куда же мы пойдемъ?

— Идемъ скорѣе, ты свободенъ.

— Но кто такой ты?—спрашивалъ князь, отчасти радуясь, а отчасти не довѣряя столь неожиданному полученію свободы.

— Я тотъ Ванюха Перстень, котораго ты когда-то освободилъ отъ опричниковъ; а теперь я пришелъ освободить тебя отъ темницы и отъ тѣхъ пытокъ, которымъ станетъ подвергать тебя Малюта Скуратовъ.

Внезапно мысль о присягѣ, данной имъ о повиновеніи властямъ мелькнула въ

головѣ князя и онъ твердо отвѣчалъ Перстню.

— Спасибо тебѣ, Ванюха, за то, что ты вспомнилъ о той услугѣ, которую я когда-то оказалъ тебѣ, но я ни за что не выйду отсюда.

— Почему же? — спросилъ удивленный Перстень.

— Я далъ присягу повиноваться законамъ.

— Иди же, — закричалъ Перстень, боявшійся, что того и гляди кто-нибудь войдетъ къ нимъ.

— Нѣтъ, не пойду, — твердо отвѣчалъ князь.

— Тогда мы возьмемъ тебя силою, — воскликнулъ Перстень, и затѣмъ, обращаясь къ Митюхѣ, сказалъ ему: — Митюха, берика князя въ охапку да и тащи поскорѣе къ нашимъ.

Митюха схватилъ князя въ охапку и потащилъ его изъ темницы какъ малаго ребенка.

Они вышли изъ темницы и чуть ли не бѣгомъ пустились по посадскимъ улицамъ; при суматохѣ, господствующей по случаю пожара, на нихъ никто не обратилъ никакого вниманія. Только при поворотѣ на площадь какой то опричникъ окрикнулъ ихъ и спросилъ, кого они несутъ: но Перстень нашелся, что отвѣтить.

— Одного слободскаго на пожарѣ убило бревномъ, такъ мы его несемъ къ лекарю.

Подбѣжавъ къ тому большому дубу, около котораго было назначено собираться разбойникамъ, Перстень дѣйствительно нашелъ всѣхъ въ сборѣ и тотчасъ же отдалъ имъ приказаніе, чтобы они поскорѣе шли въ разбойничій станъ, По возвращеніи въ станъ, разбойники на другой же день схватились своего есаула дяди Коршуна и спросили Перстня объ его судьбѣ. Перстень чистосердечно разсказалъ имъ, что дядя Коршунъ сдѣлался жертвою освобожденія князя. Тогда между разбойниками поднялось глухое волненіе: всѣ упрекали атамана въ томъ, что благодаря задуманному имъ освобожденію князя, шайка потеряла одного изъ лучшихъ и любимѣйшихъ товарищей.

— Для чего онъ освободилъ князя?

— Какая польза намъ отъ этого князя?

— Развѣ повѣсить его, чтобы отомстить за дядю Коршуна.

Ропотъ и волненіе въ шайкѣ становились все сильнѣе и сильнѣе, и Перстень справедливо догадывался, что князю дѣйствительно можетъ угрожать опасность. Чтобы предотвратить отъ князя опасность, Перстень рѣшился обмануть разбойниковъ.

Онъ сталъ распускать слухъ, что князь нуженъ для того, чтобы вести разбойниковъ на слободу.

Тогда разбойники стали торопить выступленіемъ въ походъ на слободу, но когда они, наконецъ, догадались, что ихъ обманываютъ, то сильно разгнѣвались на своего атамана.

Иванъ Перстень воспользовался непріятностями и пререканіями возникшими между нимъ и шайкою, и покинулъ шайку, чтобы исполнить свою давнишнюю мечту и воротиться на Волгу.

ГЛАВА IX.

Опять на Волгѣ.

Въ глухую полночь съ котомкой за плечами да съ кистенемъ за пазухой, вышелъ Иванъ Перстень изъ разбойничьяго стана и отправился, ему извѣстными путями въ дальній путь на берега Волги, гдѣ онъ такъ давно не былъ но куда постоянно стремился. Торопливо иногда, а иногда и неторопясь проходилъ Иванъ Перстень, или какъ мы его теперь будемъ называть попрежнему Иванъ Кольцо, полями, холмами и лѣсами, распѣвая иногда любимую разбойничью пѣсню.

Не шуми, мати зеленая дубровушка.
Не мѣшай мнѣ добру молодцу думу думати,
Какъ заутра мнѣ добру молодцу во допросъ итти,
Во допросъ итти передъ грознаго судью.
Передъ грознаго судью самаго царя.
Еще станетъ меня царь выспрашивать:
Ты скажи, скажи дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ,

Съ кѣмъ разбой держалъ.
Ой, ты гой еси, надежда, православный
царь,
Я всю правду разскажу тебѣ, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо.
Ужъ первый мой товарищъ — булатный ножъ,
Ужъ второй мой товарищъ—темная ночь,
Ужъ третіи мой товарищъ — быстрый конь,
А четвертый мой товарищъ—калены стрѣлы.
Что возговоритъ надежда - православный
царь?
Исполать тебѣ дѣтинушка крестьянскій
сынъ:
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ
держать,
Я за то тебя дѣтинушку пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами съ перекладиной.

Идетъ такимъ образомъ Иванъ Кольцо, напѣвая эту и другія разбойничьи пѣсни и день ото дня подвигается къ Волгѣ.

А по дорогѣ онъ ни о чемъ и не думалъ кромѣ того, какъ бы скорѣе полюбоваться на красавицу Волгу, какъ бы окунуть въ ея прохладныя струи свое многогрѣшное тѣло и какъ бы поскорѣе найти становище своего любимаго атамана Ермака Тимофеевича. Но вотъ уже близко и Волга, стали попадаться и знакомые мѣста и, наконецъ, Кольцо очутился на самой Волгѣ.

Не особо многихъ трудовъ стоило Ивану

Кольцу, очень хорошо знакомому со многими прибрежными жителями, отыскать станъ Ермака Тимофеевича.

Вотъ онъ и въ станѣ своего любимаго атамана.

Какъ бы, пріятель, мнѣ тутъ повидать вашего атамана Ермака Тимофеевича? — спросилъ Кольцо у одного изъ сторожевыхъ казаковъ.

— А тебѣ на что такое понадобился нашъ атаманъ? — съ усмѣшкой спросилъ разбойникъ у Кольца.

— Про то знать мнѣ, а не тебѣ! — отвѣчалъ также съ усмѣшкою Кольцо разбойнику.

— О, о! каковъ ты?!.

— Да каковъ я есть, такимъ и буду.

— Ну такъ и будь такимъ, а до атамана я тебя не допущу! — отвѣчалъ разбойникъ, разсерженный такимъ обращеніемъ съ нимъ Ивана Кольца.

А какъ бы тебѣ плохо не было, если ты не допустишь до атамана его бывшаго есаула Ивана Кольцо.

— Ой ли! а не врешь ты, что ты-то вотъ и есть Иванъ Кольцо? — спросилъ разбойникъ съ любопытствомъ оглядывая стоявшаго передъ нимъ незнакомца.

Надо замѣтить, что хотя многіе изъ разбойниковъ въ шайкѣ Ермака поступивъ въ шайку, уже послѣ ухода съ Волги Ивана

DAMAGED PAGE(S)

Кольца, не знали его, но за то всѣ слышали разсказы объ его лихихъ и смѣлыхъ похожденіяхъ. Этимъ и объясняется то любопытство, съ какимъ поглядѣлъ сторожевой разбойникъ на Ивана Кольцо.

— Зачѣмъ же мнѣ называться не тѣмъ, кѣмъ я былъ и есть! —увѣренно отвѣчалъ Кольцо.

Въ тонѣ отвѣта Ивана Кольцо было такъ много самоувѣренности и гордости, что разбойникъ уже нисколько не сомнѣвался въ справедливости его словъ и съ нѣкоторымъ почтеніемъ повелъ его въ ставку атамана Ермака Тимофеевича.

— Ваня, другъ! ты ли это? теоя ли я вижу?—воскликнулъ Ермакъ, обнимая Кольцо, какъ отецъ обнимаетъ родного сына, воротившагося послѣ долгой разлуки.

— Я, атаманъ, я! я и самъ не чаялъ, какъ повидать тебя!—отвѣчалъ Кольцо.

— Ну, Ванюха, не даромъ же я думалъ не таковскій ты человѣкъ, чтобы забыть меня и родимую Волгу.

— Вѣрно Ермакъ Тимофеевичъ, я все время только о томъ и думалъ, какъ бы скорѣе воротиться къ тебѣ и спять погулять по Волгѣ. Да вѣдь ты небось знаешь, что я не вольною волею ушелъ съ Волги, а пошелъ потому, что мнѣ житья тутъ въ послѣднѣе время не было и затравили меня тутъ, какъ какого-нибудь волка.

— Что правда, то правда,—отвѣчалъ Ермакъ,— надѣлалъ ты хлопотъ для властей порядочно.

— Ну, а теперь то, чай, обо мнѣ тутъ успѣли забыть?—спрашивалъ Кольцо.

— Да,—отвѣчалъ задумчиво Ермакъ,— много воды утекло съ тѣхъ поръ, да и тебя тутъ не было, такъ чего мудренаго, что тебя тутъ и искать кинули: порѣшили, должно быть, что ты убитъ въ какой-нибудь схваткѣ, или утонулъ въ Волгѣ.

— Да, что ты атаманъ сталъ вдругъ такъ задумчивъ, или тебѣ не нравится, что меня перестали искать въ этихъ краяхъ?—спросилъ Кольцо у Ермака, замѣтивъ ту задумчивость, съ которою онъ отвѣчалъ ему на его вопросъ.

— Не то, Ванюха, не то ты думаешь. Я очень люблю тебя и очень радъ, что прекратились здѣсь поиски за тобою; а задумался я совсѣмъ по другой причинѣ.

— По какой-же, атаманъ?

— А вотъ по какой, Ванюха: такъ какъ прежде отыскивали тебя, такъ если, пожалуй, не болѣе того, отыскиваютъ и травятъ теперь меня. И я теперь, не знаю покоя и тоже рыщу, какъ волкъ.

— Авось, атаманъ, мы вдвоемъ-то сумѣемъ увильнуть отъ царскихъ войскъ.

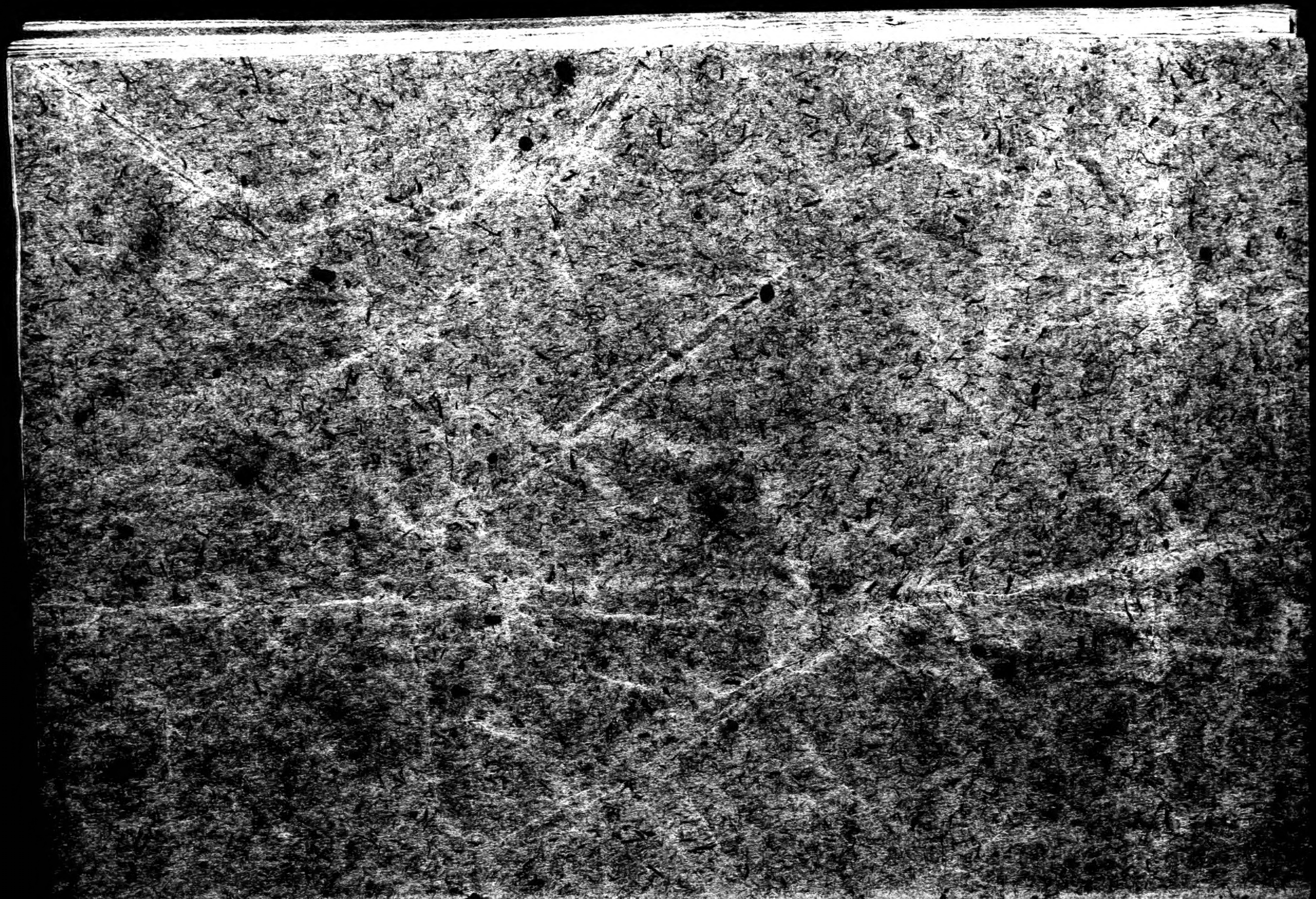
— Нѣтъ, Ваня, не думаю я отъ нихъ увиливать!—грустно сказалъ Ермакъ.

— Что ты, атаманъ! Да неужели же ты задумалъ живымъ даться въ руки? — съ неподдѣльннымъ ужасомъ воскликнулъ Кольцо.

— И не это,—отвѣчалъ Ермакъ,—а задумалъ я вотъ что...

Здѣсь Ермакъ наклонился къ Кольцу и сталъ что-то тихо объяснять ему, Кольцо слушалъ Ермака съ удовольствіемъ, что можно было замѣтить по его раскраснѣвшимся щекамъ.

А о чемъ они говорили, это станетъ извѣстнымъ изъ слѣдующей главы.



W381.5917B-Sa41a

W117114